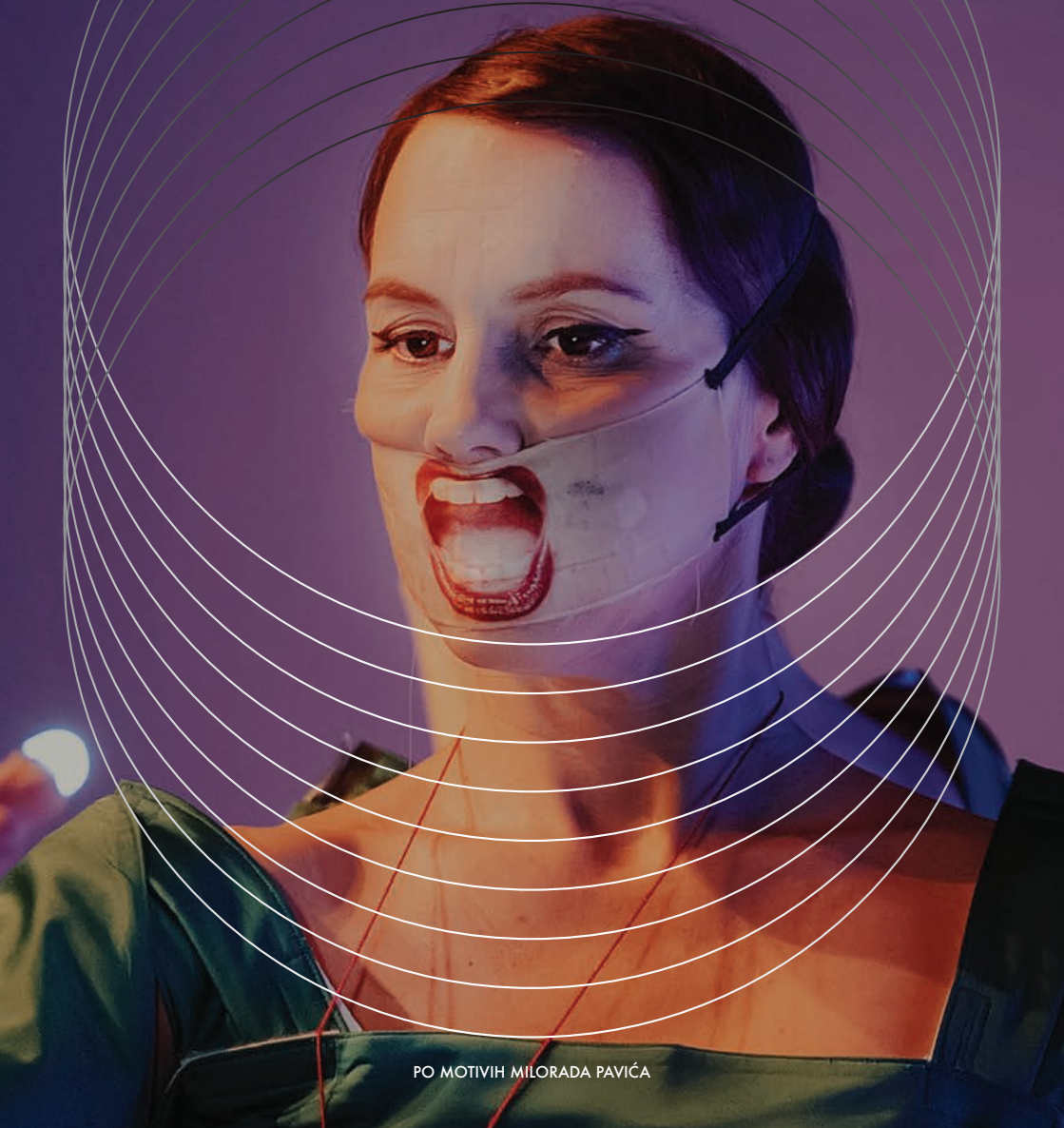
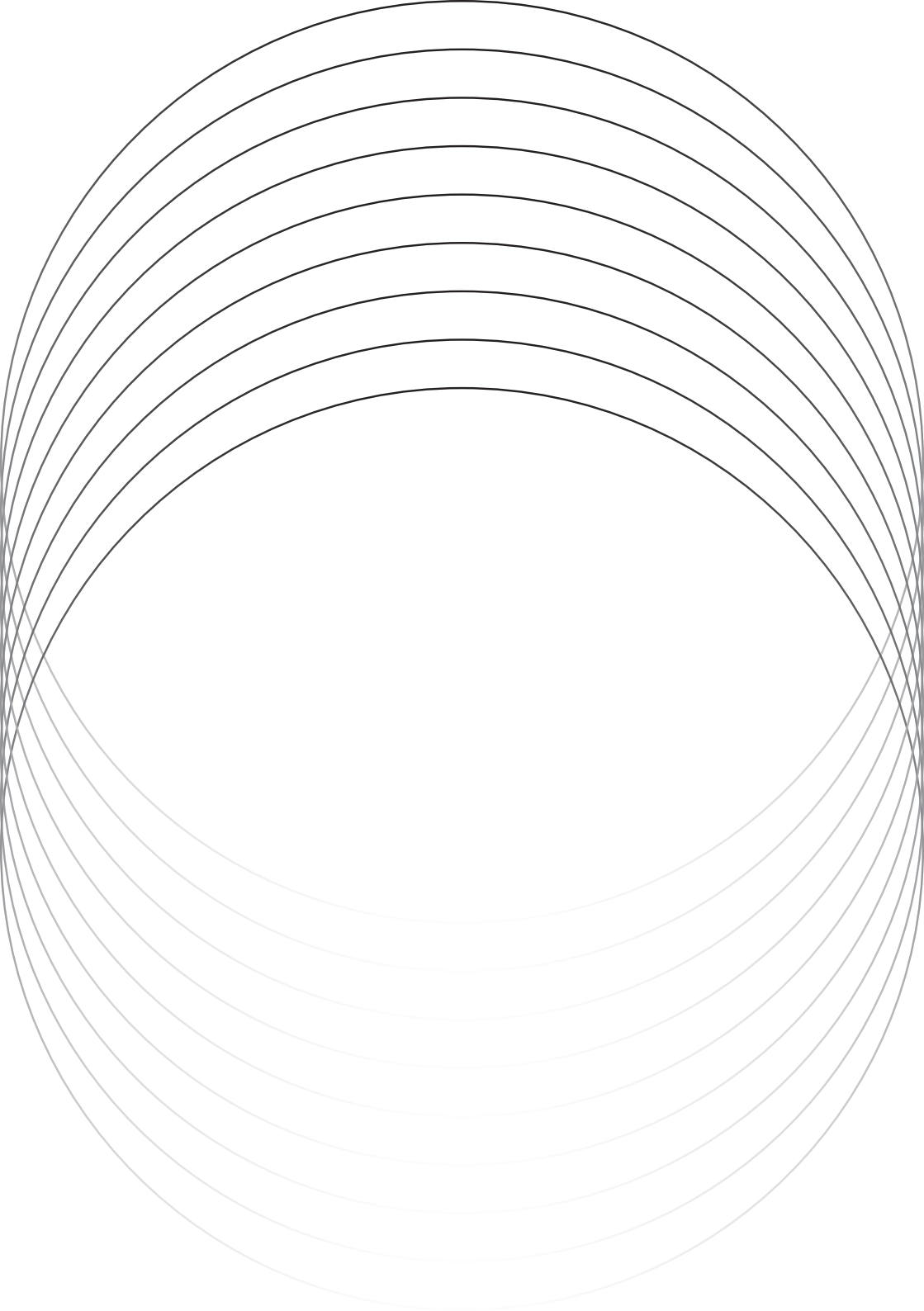

Ō

S

PO MOTIVIH MILORADA PAVIĆA

ОСОБНЯК
ТЕАТР

06

ZASEDBA

010

ALEKSEJ OBRAZCOV

REŽISERJEVI ZAPISKI

016

BOJAN BRATINA

PREVAJANJE MILORADA PAVIČA

020

MAJA POLJANEC NEMEC

DVA SVETOVA, DVA SISTEMA

024

MILORAD PAVIČ

OBRNJENA ROKAVICA

037

GLEDALIŠČE OSOBNJAK

038

KONTAKTI

042

FOTOGRAFIJE

KAZALO

Ōs

PREDSTAVA-SANJE V ŽANRU
METAFIZIČNEGA SOLIPSIZMA
PO MOTIVIH MILORADA PAVIČA

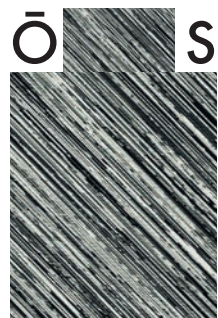
PREVAJALEC BOJAN BRATINA
REŽISER ALEKSEJ OBRAZCOV
KOREOGRAFINJA REZEDA GAJANOVA
SCENOGRAFINJA KIRA KAMALIDINOVA
KOSTUMOGRAFINJA ANIS KRONIDOVA
DRAMATURŠKA SODELAVKA ANA KRŽIŠNIK BLAŽICA
LEKTOR SREČKO FIŠER
OBlikovalec SVETLOBE SAMO OBLOKAR
OBlikovalec ZVOKA MATEJ ČELIK
ASISTENT SCENOGRAFINJE ALEKSANDER BLAŽICA
KOORDINATORKA PROJEKTA MAJA POLJANEC NEMEC

VODJA PREDSTAVE MOJCA VALIČ
ŠEPETALCA MARTIN GERBEC IN ARJANA ROGELJA
TEHNIČNI VODJA ALEKSANDER BLAŽICA
OBlikovalca ZVOKA IN VIDEA MATEJ ČELIK,
VLADIMIR HMEJAK IN STOJAN NEMEC
OBlikovalec SVETLOBE SAMO OBLOKAR
LUČNA MOJSTRA MARKO POLANC IN RENATO STERGULC
REKVIZITERJA DAMIJAN KLANJŠČEK IN GORAZD PRINČIČ
FRIZERKI IN MASKERKI KATARINA BOŽIČ IN HERMINA KOKAŠ
GARDEROBERKI JANA JAKOPIČ IN MOJCA MAKAROVIČ
ODRSKI MOJSTER STAŠKO MARINIČ
ODRSKI TEHNIKI DEAN PETROVIČ, BOGDAN REPIČ IN
DOMINIK ŠPACAPAN
VRVIŠČARJA DAMIR IPAVEC IN AMBROŽ JAKOPIČ
ODRSKI DELAVEC JURIJ MODIC
MOJSTER KROJAČ ROBERT ŽIKOVIČ
ŠIVILJI MARINKA COLJA IN TATJANA KOLENC
MIZAR MARKO MLADOVAN
PREDSTAVA NIMA ODMORA.

MAJA POLJANEC NEMEC

KRISTINA SKVAREK k. g.

JANEZ STARINA k. g.

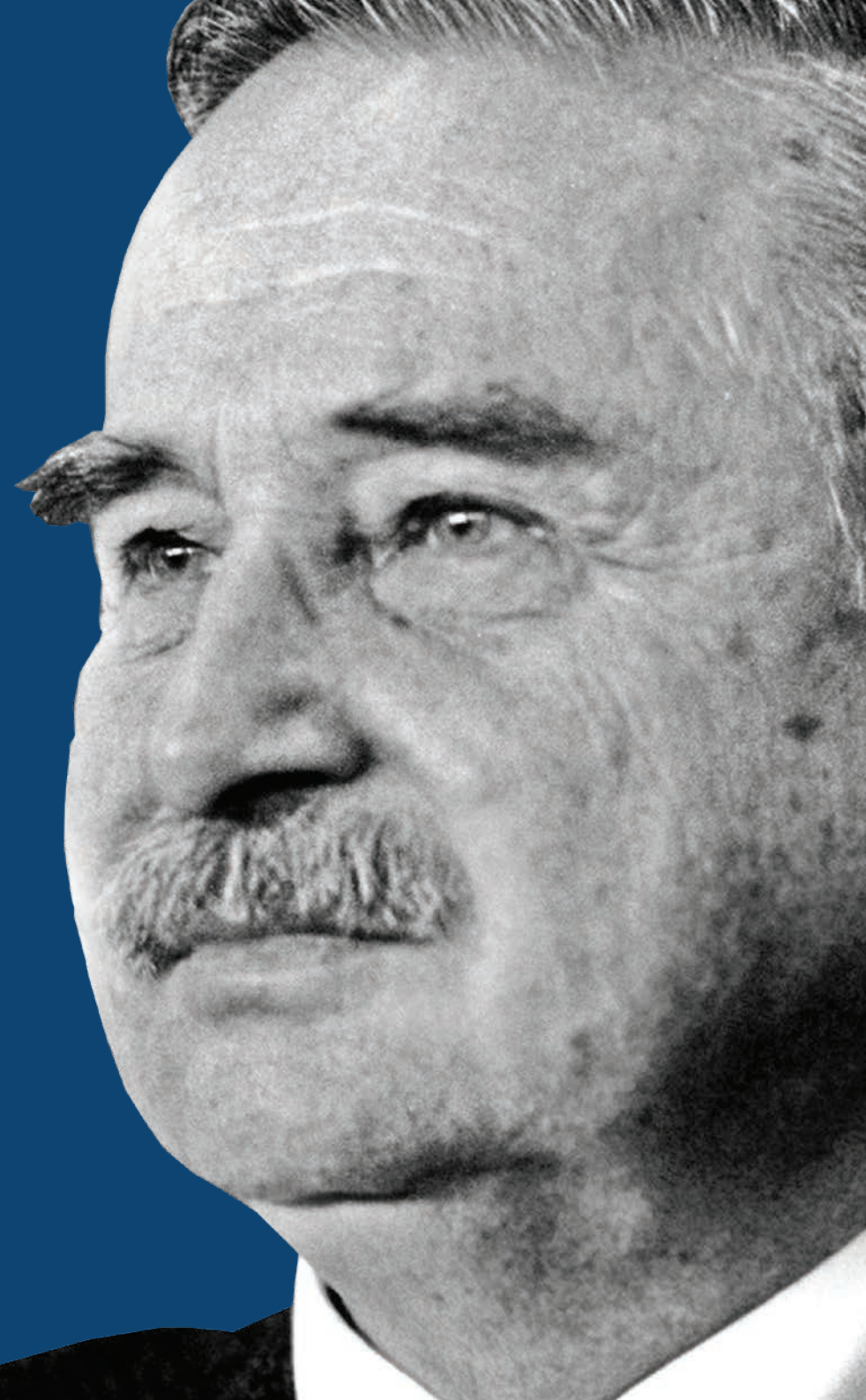
SLOVENSKO NARODNO GLEDALIŠČE
NOVA GORICA,
SEZONA 2019/2020, UPRIZORITEV 3
PREMIERA 6. IN 7. NOVEMBRA 2019
NA MALEM ODRU SNG NOVA GORICA

TEATR OSOBNJAK, SANKT PETERBURG
SEZONA 2019/2020
PREMIERA 28. SEPTEMBRA 2019

Le za preteklost lahko z gotovostjo
trdimo, da je večna. Prihodnost mora
to šele postati.«

Milorad Pavić

Režiserjevi zapiski

Ničesar ni

Nekoč, ko sem se komaj seznanil s Sljusarčukom (režiserjem Aleksejem Sljusarčukom, op. prev.), sva imela psevdofilozofske pogovore. Kaj je življenje, s čim smo obdani, kaj se dogaja v vesolju in tako naprej ... In sem zgeneriral tak stavek, po katerem se je pogovor končal, saj Sljusarčuk ni sprejel mojega stališča ... Rekel je: »Je življenje, je smrt, je ljubezen ...« A jaz sem mu odgovoril: »Ljoša, ničesar ni. Sploh ničesar ...« To sem mu rekel v šali, a čez nekaj let, pred svojo predstavo *Fevralja*, sem to dejansko uvidel: ničesar ni, sploh ničesar, in tudi tega stavka ni. In če ni ničesar, kar bi lahko ljubili ali sovražili, se lahko dotaknemo vsega.

Jaz kot režiser

Če govorim o sebi kot režiserju, se mi je nekoč porodila misel, da bi moral biti režiser šibak človek, popolnoma nepismen človek: človek, ki ne bere knjig, ne gleda naokrog, ne sprejema informacij. Moj osebni koncept je, da informacije, ki jih prejmemo iz družbe, izpodrinejo informacije, ki smo jih dobili do rojstva in v času rojstva. Ko se rodimo, imamo neko količino notranjega kozmičnega znanja, a nam ga s prvimi materinimi besedami in potem z vrtcem, s šolo, družba odvzame. Informacije, ki so bile položene v nas, se v socialnem diskurzu razblinijo. Več berem knjig, Dostojevskega, Čehova ... manj ostane mene v meni. Več vem, vidim, manj je mene. Zatorej se je treba – po moji teoriji – ustaviti.

Nehati brati, gledati, videti – in takrat lahko vnesemo kakšen delček sebe v predstavo. A ko govorimo s tujimi besedami, tujimi podobami, kot se zdaj dogaja praktično v vsem gledališču, iz gledalcev delamo idiote. Celo moj ljubi Castellucci, tudi on ima gledalce za norce. Pravi: »Popolnoma vseeno mi je, kaj vi mislite. Jaz vam bom zdaj pokazal, kakšna je zgodovina veselja ali odnosov, jaz vam bom zdaj pokazal ...« In tako ne le Castellucci. Nasploh vse svetovno gledališče ima gledalca za norca. Vsi režiserji diktirajo gledalcu svoje psevdoresnice.

Moje predstave

Moje predstave – so táko platno. Platno, ki se ne premika. Na splošno gledano je to 360-stopinjska kamera, ki snema vse naokrog. Ni ničesar »do« in ničesar »po«. Je le trenutek, v katerem se nekaj dogaja. In možnosti, kaj se v njem dogaja, je neskončno. To je tudi dogajanje predstave *Ōs*, nove predstave po Paviću. *Ōs*: To je platno, to je panorama, ki jo lahko gledamo v katero koli smer, kolikor hočemo časa.

Gledalci vidijo le to, kar je v njihovih glavah

Postalo mi je jasno, da je odsotnost feedbacka pri gledalcih dobra stvar. Nihče mi nič ne daje, ker nihče nič ne razume. Gledalci vidijo le to, kar je v njihovih glavah. Ljudje ne razumejo, ne zato, ker bi bilo vse zelo zapleteno. Ne razumejo, ker mislijo v kategorijah, ki jim ne dovolijo prepoznati vse te vrste simbolov. Poskušajo dobiti informacije, da bi oblikovali odziv, vendar jim to ne uspe. Včeraj sem se pogovarjal z direktorico. Pravi mi: »Ljoša, prosim, daj gledalcem vsaj en namig. Prosim te! Predstava *Ōs* je še bolj dolgočasna od predstave *Fevralja*.« A jaz odgovarjam: »Ljudje, dolgčas je deklarativen za moje predstave. Dolgčas je bil mišljen.« Nekoč sem napisal dober stavek: »Rodili vam bomo predstavo in vam jo pokazali, in vi boste videli, kar boste hoteli

videti.« V tem je igra in meni je všeč širiti te meje. Moje predstave so kot vata. Vanjo daš roko, je mehka in prijetna, a bolj ko premikaš roko, tesnejša postaja in ni ji konca. Vidite, tako prihajamo k temu, kaj pravzaprav je gledališče? Ponavljam: besede so zelo slab prevodnik. Tudi zgodbe. Treba je misliti v drugih kategorijah. Če preidemo k *Ōsi* po Paviću – Pavič je absolutni genij. Taka energija besedila! Ko smo razpravljali, kakšna predstava je to, sem rekel: »Ljudje, dajmo, preprosto sedimo, preberimo Pavića in nihče ne bo nič razumel.« Enako velja za gledališče. V gledališču razen energije ni ničesar drugega. Samo energija. Nekoristno je pripovedovati zgodbe. Neumno bi bilo vzeti Pavića in potegniti ven kakšno zgodbo. Ali pa pripovedovati o kakšni zgodbi, ki se mi dogaja v glavi ... Koga to zanima? Važno je le, kaj se dogaja v glavi gledalca.

Predstava *Ōs*

Gledati, poslušati, občutiti. Tak cilj smo si postavili ustvarjalci predstave *Ōs*. Kaj je ta os, na katero je posajen ves ta svet? Zanimivo, da beseda os izgleda in se sliši osirotelo. Občutek imam, da je namerno obrezana, da ne bi občutili njene polne moči. Nedvomno je os nematerialen pojem, kljub vsem poskusom, da bi ga vgradili v svet okoli nas. Vsekakor se nam ne zdi, da je to os kolesa, in zagotovo to ni fizikalni termin. Os je subjektivna in spekulativna. Je v vsakem izmed nas. Vendar le malokdo želi usmeriti pogled v drugo smer od resničnosti, kot se mu kaže.

Človeštvo je ujeto v svoje plašnice in pravila. Nismo več popolnoma sposobni odgovoriti na katerokoli, čeprav na videz elementarno vprašanje. Na primer, ne morem nedvoumno odgovoriti na vprašanje svoje najmlajše hčerke: »Oče, katera je tvoja najljubša barva?« Izgubim svojo os, moram se spomniti pravil igre, ki si jih je izmislilo človeštvo. Rečem »črna« – in to pomeni strašno, rekel bom »bela« –

postanem cunjja, rečem »modra« – pa bo pomenilo spet neko drugo stvar. Živim življenje vseh prebivalcev tega sveta, vendar ne svojega. Tudi zdaj, ko pišem besedilo o predstavi, zelo marljivo sledim svojim frazam, kontroliram besede v upanju, da se oseba, ki jih bere, ne bo odtrgala od branja, ne bo skomignila z rameni od zmede ali bo preprosto užaljena ... A med obdobji brezdolja čutim svojo os, ki ne obrača pozornosti na ostalo človeštvo in mi pove, kam naj gledam in kaj naj mislim.

Med vajami predstave *Ōs*, ki temelji na besedilih briljantnega srbskega misleca in pisatelja Milorada Pavića, njegove misli vedno bolj razumem. Učim se gledati svet skozi *Obrnjeno rokavico*, kar je strašno težko in hkrati čezmerno zabavno. Razumeti zgradbo vsega takoj, brez analize in perspektiv, brez politike in sociologije, brez sovraštva in ljubezni. Opazovati svojo os.

Predstava, ki je začela svoje življenje na dvojezičnih vajah in se je zdela navaden projekt, se je po zaslugi Pavićevih besedil spremenila v ločeno veselje, ki se nahaja znotraj drugega, manj pomembnega. Notranje življenje igralk, njihovi impulzi, na videz naključne podobnosti v biografijah, podobnost karakterjev in še veliko več, je uokvirjeno z dvema jezikoma, ki si očitno nista podobna, vendar povzročata občutek medsebojne empatije. Prav o tem piše Pavić. Zgodba se lahko obrne v katerokoli smer, v tej zgodbi se lahko zgodijo kakršnikoli dogodki, svet se lahko obrne navzven ali tudi ne. Mi se znajdemo na mestu, kjer bi morali biti, in opazujemo to, kar vidimo, in ne tega, na kar nam obračajo pozornost. Ostaja le eno vprašanje. Kako prinesiti do vas vse povedano? Spet lahko rečem le, da bomo rodili predstavo in jo boste videli. Toda ne boste videli, kar vam bomo pokazali, ampak le to, kar želite videti sami.

Dele besedila zapisala Jelena Strogaljeva

Prevedla Maja Poljanec Nemeč

»POGLEJ! NOČNA DALJAVA SE ZDI SEDAJ
KOT PRETEKLOST; NOGA NE MORE
DO NJE, SAMO SPOMINI. MRTVI PA
POMNIJO VSE SVOJE ŽIVLJENJE, LE ČASA
IN VZROKA SMRTI NE POMNIJO ...«

Milorad Pavić

Prevajanje Milorada Pavića

Korak k sodelovanju pri uprizoritvi gledališke igre med dvema sorazmerno oddaljenima gledališkima hišama je že sam po sebi zanimiv in poln pričakovanj. Če se ustvarjalci gledališkega dogodka odločijo, da bodo uprizorili besedilo avtorja iz tretjega jezikovnega kroga, pa se vključenost dodatnih umetniških kreacij še večja, prepletanje različnih kulturnih in umetniško izpovednih osnov se širi in tako dobiva nove razsežnosti. Skupina dramskih igralcev dveh gledaliških hiš, SNG Nova Gorica in Gledališča Osobnjak iz Sankt Peterburga, je izbrala za svojo odrsko upodobitev krajše pripovedi srbskega pisatelja, akademika in profesorja dr. Milorada Pavića. Pripovedi so zbrane v zbirki *Izvrnuta rukavica (Obrnjena rokavica)* in so prvič izšle v Beogradu leta 1989. Predstavljajo Pavićev izbor kratke proze, kjer v strnjeni obliki prihaja do polnejšega izraza njegov totalni nadrealizem tako v izrabi jezikovnih sredstev kot v izpovednem oblikovanju sveta. Čeprav je z daljšimi besedili, kot so *Hazarski besednjak* (1984), *Pokrajina, naslikana s čajem* (1988), *Notranja stran vetra* (1991) in druga doživel veliko odmeva in priznanje povsod po svetu, je v slovenskem prostoru manj bran in ga tudi ni izdala nobena od osrednjih založb. Večino njegovih besedil je izdala založba Ma-No (Dušan Manojlović) iz Nove Gorice, ki je tudi poskrbela za prevode. Pripovedi v zbirki *Izvrnuta rukavica*, kolikor mi je znano, še niso prevedene v slovenski jezik, razen pripovedi *Smrt Miloša Crnjanskega*, ki jo je prevedel Drago Bajt. Tako sem se na prošnjo igralkle Maje Poljanec Nemeč predal izzivu, prevajati delo, ki je zapisano v srbskem jeziku in

je v gledališki predstavi oblikovano v dveh drugih jezikih: slovenskem in ruskem. Poleg tega to ni običajen jezik, ampak jezik, ki ga je oblikoval izjemen poznavalec jezika samega in stvarine, ki jo izpoveduje. Pavića velikokrat vodi neke vrste zamaknjenost, ko ukinja realne povezave in ustvarja prostor magičnega. Dimenzije časa se mešajo s prostorskimi, realnost je hkrati tudi svet sanj, sanje so last vsakega posameznika in hkrati stvar za trgovanje ali posel za »lovce na sanje«. Vseeno pa je čutiti močno izročilo balkanskega iskrivega čutenja stvarnosti, ironičnosti in jedke posmehljivosti. Pavićeve beseda je izjemno sugestivna, bralca prevzame in ga tudi zapelje v svet magičnega ali v svet temnih duhov. Ta beseda deluje podobno kot pri Bulgakovu (*Mojster in Margareta*, *Pasje srce*, *Uročena jajca* in druge) z intenziviranim čustvovanjem ali, kot pravijo nekateri, z neke vrste uročenostjo. Prav zaradi vseh teh dejstev se zdi potrebno, da sta jezika (slovenski in ruski) in govorjena besedila na odru uglašeni. Rusi imajo prevedeno že celotno zbirko pripovedi, tako da ni bilo težav pri preverjanju in ustvarjanju soglasja ali sozvočja slovenščine in ruščine pri posredovanju Pavićevega pripovedovanja. Morda bi kakšno besedo ali besedno zvezo v prevodu drugače oblikoval, da bi ohranil Pavićevo notranje ali podedovano izročilo. Res je, da je že sam izbor avtorja izjemno izzivalen, hkrati pa odprt za umetniško kreacijo in neskončno domišljijo.

TAKO JE BILA PRIHODNOST VEČNA,
PRETEKLOST PA JE MORALA TO ŠELE POSTATI.

Milorad Pavić

A woman with dark hair, wearing a teal, off-the-shoulder dress, is looking upwards and to the right. She is holding a thin red string that runs vertically down her chest. Overlaid on her face and the background is a white wireframe structure consisting of many concentric, slightly overlapping circles, resembling a globe or a stylized head. The background is a plain, light-colored wall.

Dva svetova, dva sistema

Študij v tujini, v daljni, meni popolnoma neznan Rusiji. Popotovanje, ki me je za vedno določilo in obogatilo. Močna želja je sovpadla s spletom okoliščin in moja pustolovščina je bila neizbežna. Znašla sem se na peronu železniške postaje v Sankt Peterburgu z velikanskim sposojenim kovčkom. Vse naokrog je bil svet, ki je malce spominjal na otroštvo, vendar je bil popolnoma drugačen. V tistem času, leta 2002, je Rusija počasi začinjala spreminjati svojo podobo. Prišla sem v državo, kjer nisem našla mobilnih telefonov, internetnih kavarn, predvsem pa je bilo vse napisano v cirilici in težko si našel človeka, ki bi znal angleško.

Akademija, ki me je sprejela pod svoje okrilje, je edina državna akademija v Sankt Peterburgu, severnih Benetkah, kulturni prestolnici Rusije. Na njej študira več kot tisoč študentov, smeri pa so zelo različne – od teorije gledališča, lutk, muzikala, estrade, do dramskega gledališča. V našem letniku so bili trije vzporedni »mojstrski razredi«, t. j. pedagoške delavnice, vsaka s svojim glavnim mentorjem in najmanj dvema dodatnima mentorjema za igro. V razredu nas je bilo 22, vendar smo bili pri posebnih predmetih razdeljeni na dve skupini po deset. Delali smo od ranega jutra do odhoda zadnjega metroja. Režim je bil strog. Proste so bile samo nedelje, a tudi te z dodatnimi nalogami. Življenje v študentskem domu je bilo strogo varovano – vrata so bila čez noč zaklenjena, vratarka

in komandir doma sta bedela nad nami. Telefonirati je bilo mogoče pri vratarki ob nedeljah – pet minut pogovora z domačimi, medtem ko za tabo menca velika nestrpna vrsta študentov. Nekoč so nas varovali, nismo niti vedeli, zakaj, oboroženi vojaki, ki so stali pri vratarki.

Ko sem leta 2006 odhajala, je bila podoba popolnoma drugačna. Supermarketi so izrinili majhne trgovince z ostarelimi babuškami in mačkami, ki so se skrivale za konzervami; mesto je postalo svetlo od jumbo plakatov in oglaševalskih krikov novih zahodnjaških manir. Kakorkoli – v štirih letih mojega bivanja tam se je mesto popolnoma spremenilo. Dom je postal z razcvetom interneta in mobilnih telefonov veliko bližji. V zadnjem letu se je tudi študij na akademiji sprostil, saj smo večinoma delali na diplomskih predstavah.

Ruska izkušnja me je še enkrat rodila, kakor te na novo rodi vsaka močna izkušnja. V meni je ustvarila še en svet, še eno mene, prepojeno z drugačno mentaliteto, rojeno v drugačnem kulturnem miljeju. Oba svetova sta moja domača. In združiti ju – so bile moje sanje. Sistemi so zaprta celota. Delujejo po svojih pravilih, ki so tuja drugim sistemom. Vsak sistem ima svoje dobre in manj dobre plati. Upala sem, da bom lahko dobre plati ruskega sistema uporabila v Sloveniji. Saj vendar govorimo o istem – o tem, kako ustvarjati v gledališču. Vendar sem tu naletela na sistem, ki je bil popolnoma drugačen. Igralci in režiserji so bili rojeni na drug način, na drugi akademiji. Kot sem se nekaj let po prihodu v Rusijo čudila tam, sem se potem nekaj let po vrnitvi sem čudila tukaj.

Trdno verjamem, da se gledališča in kulture lahko bogatijo med seboj. Pravzaprav verjamem, da je bila raznolikost zato ustvarjena. Gledališče sicer uporablja jezik kot močno izrazno sredstvo, pa vendar lahko – če je jezikovna raznolikost vzeta kot izziv – to lahko veliko prispeva k

ustvarjanju. Uganka, ki jo je treba razvozlati, košček sestavljanke, ki prida nove barve. Slej ko prej se sistemi, kulture, ujamejo v lastne vzorce, ki jih niti ne opazijo. Pa ne le v rezultatu, ki ga poznamo kot slovensko, rusko, nemško gledališče ... ampak tudi v procesu. Priložnost, da z distance pogledaš na svoje vzorce ustvarjanja, je veliko vredna. Saj naj bi bil ustvarjalni proces v čim večji meri osvobojen avtomatizma.

Moja ruska izkušnja, toliko let po zaključku šolanja in po več kot desetih letih ustvarjanja v slovenskem prostoru, mi je ponudila prav to. Pogled z distanco na slovensko in na rusko gledališče in ustvarjanje. In spet sem, tokrat bolj jasno, videla dva sistema – ki imata drug drugemu veliko povedati in dati. Če se je posameznik voljan odpreti novemu, drugačnemu.

Stike s sošolci in profesorji z akademije sem obdržala. Naš razred je bil zelo povezan. V enem od mojih obiskov Rusije mi je profesorica plesa navdušena govorila o povezavah, delavnicah, ki jih vodi po Rusiji in Evropi. Izrekla je stavek, ki sem ga slišala že tolikokrat: »Dajmo, naredimo mednarodni projekt!« In je nadaljevala: »Veš, poznam nekega mladega perspektivnega režiserja ...« Rezida Gajanova je človek, ki prekipeva od energije in nalezljivega optimizma. Z njenim predlogom, ki je bil dovolj konkreten, sem stopila do Marka Bratuša, odprtega in kreativnega človeka, ki je v tem videl nekaj novega, kar bi lahko obogatilo naš gledališki prostor.

Tako sta se dva sistema začela prepletati, iskati os, in pot predstave se je začela ...

OBRNJENA ROKAVICA

Tistega jesenskega popoldneva leta 1810 se je hotel Dositej¹ ostriči z nožem, gledajoč se pri tem v prstanu, ki je imel namesto dragega kamna izbočeno zrcalo. Vendar ni našel rokavice. Las pa se nikoli ni dotaknil z golo roko. To je bila lepa bela rokavica, podložena z zeleno svilo. Iskal je po sobi, privzdigoval svojo haljo, a rokavice nikjer. In je pomislil: kot se z eno ptico lovi druga ptica, kot se s hrtom lovi volk, tako lahko z eno mislijo loviš drugo misel ... Stopil je v vrt k svoji mladi in lisasti kravici, darilu vojvode in slikarja Petra Nikolajevića Molera, ji snel z vratu zvonec in vanj po pastirsko namolzel mleka. Medtem ko se je vzpenjal po stopnicah, je mislil, kako so se lakote v njem iztrošile in oslabile, žeje pa so se pomladile, razbohotile in pohudobile. Tako je vstopil v sobo, kjer je njegov učenec Aleksa pisal nalogo. Imel je usta, majhna kot oko, le da mižijo, medtem ko oči gledajo. Učitelj je ponudil dečku zvonec z mlekom in z drugo roko zakril njegovo pisanje. Medtem ko je deček pil, mu je Dositej pridržaval zvonec in se občasno dotikal njegovih ustnic. Znoj v oči, solze pa v usta – je pri tem mislil, rekel pa je:

¹Dositej Obradović (1739 – 1811) najpomembnejši pisec srbskega razsvetljenstva.

– Umni gospodič Aleksije, svet je poln skrivnosti, skrivnosti pa so kot lovske pasti, nastavljene med nami. Ni vsaka past za vsako zverino, marveč je vsaka drugi in drugačni namenjena. Z mrežo za leva miši ne ujameš.

In mu je podal *Fiziko*, izdano v Budimu leta 1801, da jo bo bral.

Deček je bral, ob tem pa je mislil, kako mu je učitelj obljubil, da ga bo popeljal po Donavi v Pešto, kjer dež ne pada v vodo, temveč iz vode, kjer Madžari v gledališču igrajo predstavo o Aleksovem očetu in Gospodarju in kjer je Aleksov oče v gledališču predstavljen kot heroj. Dečku vse to ni bilo najbolj jasno: ali oče zapušča Beograd in vojskovanje in Turke in odhaja sam v Pešto igrat sebe Madžarom v gledališču, doma pa ga za tisti čas nekdo nadomešča, si opaše njegovo orožje in postane Gospodar, ali pa si tam pri Madžarih nekdo drug opaše očetovo orožje in igra očetovo življenje, oče pa tukaj za en večer preneha biti vodja. In medtem ko se ono tam igra, se ga tu nehajo bati in mu biti poslušni ... Saj, kdo bi mogel priti svoji misli za hrbet? – je mislil Aleksa, medtem ko je bral v *Fiziki* nekaj povsem drugega:

»Ko bi naši starci in roditelji poznali malo fizike, ne bi mi od njih poslušali, da je ta in ta videl, kako se je ob bogojavljenju voda v vino spremenila in so drugi videli piskre, kako sami potujejo od Vidina v Kladovo, niti nam ne bi pripovedovali, da je nekdo srečal vilo, prikazen ali vampirja, ki za sabo vleče rjuho ... Vsa ta vraževerja, ki se med nami nahajajo, niso nič drugega kot živi in večni znak, na kako nizki stopnji prosvetljenosti smo ...«

Tu je deček zastal, pogledal učitelja, ki je drgnil dlan ob vogal mize, in mu rekel:

– Kdaj bomo, učitelj, izkoreninili te vraže iz našega naroda? – Bil je prepričan, da je tako treba govoriti, vedel je, da ga bo učitelj pohvalil za njegove besede; tako ga je učitelj navadil. In zdaj je čakal

običajni odgovor. Dečkovi pogledi so se svetili po polmraku, njegov slepi nasmeh se je staral hitreje od njegovih oči in Dositej je pomislil, da človeška duša resnično nosi radost in zdravje, telo pa žalost in spomin; da se obrazi njegovih znancev najlaže primerjajo z obroki na krožnikih in v skledah, da je velikoremetški iguman Sofronije Lazarević videti kot porcije zelja z rebrci, podoba gospe Pavkovičeve iz Zemuna pa je povsem taka kot skodela gobic v kisu ... In je rekel, medtem ko je božal učenca po zatilju:

– Moj Aleksa, dnevi in leta gredo h koncu, telo slabi, duša pa bi še kaj hotela ...

Deček pa je sedel začuden, ker je pričakoval nekaj drugega. Gledal je naravnost v jamico na učiteljevi bradi, ki je bila podobna zarastlini od iztaknjenega očesa.

Tedaj je nekdo spodaj udaril s tolkačem po vratih in sluga je prinesel pošiljko za Dositeja, dostavljeno s tega brega, iz Zemuna. Poslala jo je gospa Pavkovičeva: dva dišeča, še topla pšenična hleba in sodček, ki ga je Dositej poslal praznega čez Donavo, zdaj pa ga je prejel polnega vina nazaj iz Krušedola; iz avstrijske prestolnice pa okroglo škatlo, odišavljeno kot kakšna gospodična. Iz škatle sta z Aleksom potegnili nenavadno in novo reč, kakršne v teh krajih še niso videli: črn klobuk iz pasje dlake z globoko oglavnico in trakci, ki se zavežejo pod brado. Klobuk – je pisalo v spremnem pismu – kakršne zdaj na Dunaju, prestolnici avstrijskega cesarstva, nosijo po novi modi in okusu. Vrteč ga po rokah, je Dositej opazil na traku zapisane besede: »Tvoja preteklost se skriva v tvojem molku, tvoja sedanost v tvojem govoru, tvoja prihodnost pa v tvojih napačnih korakih.«

– Kaj to pomeni? – je vprašal deček, Dositej pa je odgovoril, medtem ko je spravljal čudno stvar nazaj v škatlo:

– Prvo, kar vam imam povedati, mladi gospodič Aleksa, je: čeprav je imel človek neko stvar ali predmet že stokrat v rokah, bo s ponovnim

ogledovanjem našel nekaj novega, dotlej neopaženega ...

Pri tem pa je mislil: moj post je tvoja plenica, dete moje.

Ob zori, ki diši po smodniku in blatu, se je Dositej zagledal v svoje škornje kot v vodnjak in videl, da so brez dna. Nadel si jih je in se napotil k skrivnemu zalivu, kjer se bo vkrcal na ladjo za Kladovo.

Dve kočiji, težka z gospodičem Aleksom in njegovimi slugami in lahka s klopjo v obliki pokrova na zaboju s prtljago za učitelja, sta brzeli vzdolž vode, Aleksa pa je mislil, motreč to dirko: hiter je groš, hitrejši od konjev.

Takoj ko so se ustavili, je posijalo sonce, vrgli so ovčje kože pod neko hruško in se usedli, da bi počakali ladjo. Dositej je slekel površnik in snel novi klobuk, ju obesil na bližnjo vejo in se jel sprehajati ob obali, klecaje po malem, kot da bi mu noge izmenično govorile: »Subotica, Segedin, Subotica, Segedin.« Ladjarji in vozniki so se zagledali v neverjetni črni predmet, obešen na drevo, ne vedoč, da je klobuk iz pasje dlake, pravkar prispel iz prestolnega mesta Dunaja prek voda, meja in bitk. Ladja z vesli, ovitimi v srajce, je neslišno pristala, vkrcali so Dositeja in mu čez ladijsko ograjo hitro podali površnik in potovalni kovček. Aleksa mu je mahal iz kočije, čuteč na ustnicah učiteljev poljub. Na obali pa je ostal na hruško obešen pozabljen klobuk in plapolal s svojimi trakci in pentljami ... Neverjetna stvar, ki zanjo nihče več ne ve, čigava je, od kod je prišla in kaj je.

A konji mimoidočih popotnikov se je bojijo.

In tako so se začele dogodivščine te stvari. Kmečke žene iz Višnjice so jo proglasile za bakreno ponev, ribiči pa so se zaklinjali, da so na svoje oči videli, kako je ponev požrla ptico, ki je bila bulasta. Na svetega Vida dan, ko prihaja vino v grozdje, je zadavila dve deklici, ko pa so golobi začeli kričati, da je čas za sajenje čebule, si je neznanec nataknil ponev na glavo in odšel. Našli so ga zadavljenega z repom ponve, ona pa se je potlej kot nekakšna črna žival vrnila na svojo vejo. Zimski vetrovi so jo sčasoma še pogulili in videti je bila

še bolj krvoločna. Pod njo so žgali tobak, da bi jo dim pregnal, ker tobak odganja nečiste sile, toda zaman. Vojaki, ki so streljali vanjo, so kasneje po razcvetelih bezgih videvali hudičke v obliki deklic s tremi očmi in edino ptice vrbovke, ki se hranijo z dimom jabolk, se niso bale klobuka in so sedale na veje njegove hruške ...

Nekega jutra spomladi 1811. leta je prišel Aleksa k Dositeju in mu rekel:

- Učitelj, koliko praznoverja povzroča vaš dunajski klobuk, oni klobuk iz pasje dlake, več kot vse vile in volkodlaki v treh knjigah Stojkovićeve *Fizike*. Zakaj pustite, učitelj, da se ljudstvo toliko peča z vašim klobukom in se neprosvetljeno predaja praznoverju?

Zunaj je nekdo igral na piščal, Dositej pa je božal uho svojega učenca in mu ni bilo do razprave o črnem klobuku in o belih Vlahinjah, ki okrog njega čarajo z jagodami, ki jih mečejo prek reke, da bi vzniknil most. Misлил je, da je lepi Aleksov obraz samo skodela dobro popoprane žolce. Rekel pa je:

- Še enkrat mi je o tem, gospodič Aleksa, povedati vam: čeprav je imel človek neko stvar ali predmet že stokrat v rokah, bo s ponovnim ogledovanjem našel nekaj novega, dotlej neopaženega ...

- Toda mar je vaš črni klobuk s trakci - je odvrnil Aleksa nezadovoljen z odgovorom - postal kakšna nova reč ali stvar, drugačna od one, ki ste jo lansko leto obesili na hruško? Mimo tega, da vsi govorijo samo o njem.

- Slišen udarec ni nikoli močan udarec, moj Aleksa - je poskušal Dositej še enkrat pomiriti svojega učenca, toda ta se ni predal. In Dositej je motreč učenca mislil, da mu ni mogoče na nablen način pojasniti, da je ena stvar samo greh neke druge stvari. In se mu ni upal tega reči. Aleksa pa je molčal. Pri čemer se je slišala samo skorja njegovega molka, drugo, grožnjo pod to skorjo, je učitelj uganil. In bolečina je pljusknila čezenj kot val z živo ribo v sebi.

Bil je marec in Dositej je sanjal o svoji poti med Ruse, sanjal o lanskem Kladovu, kamor ga je poslal Gospodar, da gre po ulici, ki ima 12 hiš, vsaka njih 26 oken in četvero vrat. Ko se je prebudil z odtisom gumba blazine na obrazu, je mislil, da teči proti zahodu pomeni izgubiti bitko, teči proti vzhodu pomeni izgubiti glavo. In to ne samo svojo bitko in glavo, temveč bitko in glavo Gospodarja, Aleksovega očeta. In Dositeju se je takrat pri bujenju Gospodarjev obraz zazdel kot skleda s presoljeno svinjino ...

Bil je čas, ko se lušči koža in smrdijo ušesa. Učenec je prinesel vest, da se ob sobotah okrog črnega klobuka zbira množica ljudi in vračev: plešejo nemo kolo »o sebi« in pljuvajo drug drugemu v ušesa. Vsi od Višnjice do ustja Save imajo poplujvana ušesa. Skrajni čas je, da jih učitelj spreobrne, da jim odpre oči uma, da zdravi razum zakraljuje v njihovih glavah, dokaže, da ponev ne samo da nikogar ne more zadaviti, ampak da je navaden klobuk, ki se ga nosi na glavi. Brez odlašanja.

Nenadoma pa je deček, že skoraj mladenič, začel govoriti v jeziku svojih vojaških vadišč:

– Učitelj, vedno moramo vedeti, kaj zadenemo, ko zgrešimo cilj! – je rekel odločno in pokazal Dositejeve knjige, ki so bile urejeno zložene v oknu.

Dositej se je zdrznil, pomislil – ena noga iz blata, druga v blato, in glasno je ukazal pripraviti voz zase in za Aleksa. Nikamor ni bilo mogoče.

Pri hruški sta našla Dositejevo črno dlakavo stvar na veji, utrujeno in izdelano od sonca in mraza, kako reži v vetru iz Futoga in maha z repom, polnim drobnih črk. Pod hruško je bil lanskoletni grob človeka, ki ga je ponev zadavila s tem repom. Na kamnu je nad imenom pisalo:

Kot da sem včeraj legel.
1810.

Okrog groba in ponve pa se je trlo ljudi kot v cerkvi in vsi so imeli v ustih vročo travo za zaščito.

Učitelj je stopil iz kočije, čuteč na sebi nepismene poglede. Obdan z varuhi je Aleksa obstal za njim prelepih žarečih oči, kot da žene sto življenj pred sabo. In tedaj je Dositej pomislil:

– Čudo, česa človek v dolgem svojem veku ne dočaka; da se preobrne v drugega, pri tem pa mora ostati, kar je bil in kar več ni. No, krenil sem po tej poti, treba je naprej, naj se mi hoče ali ne.

In s počasnimi koraki je stopil k drevesu, snel z njega črni klobuk s trakci in si ga posadil na glavo. Ob tem je sto žrel z vso silo pljuvalo vročo travo.

Potem je Dositej skozi vonj pljunkov prepadene množice in pospremljen z Alekovim nemim pogledom stopil k svojemu dvokoleslju, se zavalil vanj in se odpeljal nazaj v mesto.

Ko so pred Dositejevim domom odprli kočijo, je ležal na sedežu zadavljen, črna dlakava reč pa se je jadrno odkotalila iz voza, zajel jo je veter in odletela je čez beograjske ulice, zibaje se spotoma na križiščih in sukaje svoj rep, poln črk.

*

Potem je Dositej skozi vonj pljunkov prepadene množice in pospremljen z Alekovim nemim pogledom stopil k svojemu dvokoleslju, se zavalil vanj in se odpeljal nazaj v mesto. Ob tem je sto žrel z vso silo pljuvalo vročo travo. In s počasnimi koraki je stopil k drevesu, snel z njega črni klobuk s trakci in si ga posadil na glavo.

In tedaj je Dositej pomislil: – Čudo, česa človek v dolgem svojem veku ne dočaka; da se preobrne v drugega, pri tem pa mora ostati, kar je bil in kar več ni, kot obrnjena rokavica. No, krenil sem po tej poti, treba je naprej, naj se mi hoče ali ne. Modri so na svetu neopazni, ker vedo,

da je treba modrost skrivati za vsako ceno, kot pregreho ali denar. Učitelj je stopil iz kočije, čuteč na sebi nepismene poglede. Obdan z varuhi je Aleksa obstal za njim prelepih žarečih oči, kot da žene sto življenj pred sabo. Okrog groba in ponve pa se je trlo ljudi kot v cerkvi in vsi so imeli v ustih vročo travo za zaščito. Na kamnu je nad imenom pisalo:

Kot da sem včeraj legel.

1810.

Pri hruški sta našla črno Dositejevo dlakavo stvar na veji, utrujeno in izdelano od sonca in mrazov, kako reži v vetru iz Hopova in maha z repom, polnim drobnih črk. Pod hruško je bil lanskoletni grob človeka, ki ga je ponev zadavila s tem repom.

Dositej se je zdrznil in pomislil, da je vsebina vsake stvari sovraštvo, oblika pa ljubezen, in ukazal pripraviti voz zase in za Aleksa. Nikamor ni bilo mogoče.

Nenadoma pa je deček, že skoraj mladenič, začel govoriti v jeziku svojih vojaških vadišč: –Učitelj, vedno moramo vedeti, kaj zadenemo, ko grešimo cilj! – je rekel odločno. In pokazal Dositejeve knjige, ki so bile urejene zložene v oknu.

– Skrajni čas je, učitelj, da jih spreobrnate, da jim odprete oči uma, da zdravi razum zakraljuje v njihovih glavah, da jim dokažete, da ponev ne samo da nikogar ne more zadaviti, ampak je navaden klobuk, ki se ga nosi na glavi ...

Bil je marec in Dositej je sanjal o svoji poti med Ruse, sanjal je o Kladovu in mogel je odžvižgati svoj sen. Ko se je prebudil, je pomislil, da pomeni teči proti zahodu izgubiti tekmo, teči proti vzhodu pa izgubiti glavo. Čutil je, kako se čas širi. Če bi dovolj časa tekkel vzvratno, bi – vedel je – prišel v predele zunaj časa. In bolečina je pljusnila vanj kot

val z živo ribo v sebi. Drugo, o grožnji, je učitelj ugibal. Aleksa pa je molčal, pri čemer pa se je slišala samo skorja tega molka. In ni se mu upal reči. Ko je gledal mladeniča, je Dositej mislil, da mu nikakor ne more pojasniti, da smo vsi pomečkana in neravna tkanina, narejena samo zato, da bi s statev vrgla na zid vnaprej predpisano senco.

– Morda pa je vaš črni klobuk s trakci neka druga reč, neka druga in drugačna stvar kot ona, ki ste jo lani obesili na hruško? Mimo tega, da zdaj vsi govorijo samo o njem?

Zunaj je nekdo igral na piščal, Dositej pa je božal uho svojega učenca in mu ni bilo do razprave o črnem klobuku in belih Vlahinjah, ki okrog njega čarajo z jagodami, ki jih mečejo prek reke, da bi vzniknil most. Imel je eno uho več in na to uho ni slišal zvoka. Drhte je mislil, kaj bo, če ga dečkov oče zaloti tako, s prstom v otrokovem ušesu, ko posluša glasbo, ali v ustih, ko pije. Ga bo otrokov oče ubil?

Nekega jutra spomladi 1811. leta je prišel Aleksa k Dositeju in mu rekel:

– Vojaki, ki so streljali vanjo, so potem v cvetočem bezgu videli hudičke. Pod njo so žgali tobak, da bi jo dim pregnal, toda zaman. Našli so človeka, zadavljenega z repom ponve, ona pa je spet visela na veji kakor prej. Na svetega Vida dan, ko prihaja vino v grozdje, je ponev zadavila dve deklici. Mežnar v cerkvi Ružici je trdil, da se ponev ponoči spremeni v črno zvezdo, ki vletava v cerkve in domove in da v dotiku z njeno svetlobo ugaša svetloba sveč in lučk. Vojvode, ki spomladi z dvajsetico obdarujejo drevo, ki prvo požene liste, so bili prepričani, da je to sam sveti Trifun, ki je sebi s sekiro odsekal nos, ribiči pa so se zaklinjali, da so na lastna ušesa slišali, kako ponev ponoči vzklika: »Kdor si želi, da bi ga oče ubil, tega bo ubil sin!«

In tako so se začele dogodivščine te stvari. In samo konji mimoidočih odskakujejo od nje. Aleksa mu je mahal iz voza, čuteč na ustnicah učiteljev poljub, vajen, da bere z ustnic, na obali pa je ostal in bingljal

z veje hruške pozabljeni predmet, neverjetna stvar, ki o njej nihče več ne ve, čigava je, od kod je prišla in kaj je. Ladja z vesli, omotanimi v srajce, je neslišno pristala in na hitro so vkrcali Dositeja, tako da so mu bundo in popotni kovček podali prek ladijske ograje. Dositej je slekel bundo in snel novi klobuk, ju obesil na vejo in se jel sprehajati ob obali. Dve kočiji, težka z gospodičem Aleksom in njegovimi slugami in lahka s klopjo v obliki pokrova na zaboju s prtljago za učitelja, sta brzeli vzdolž vode, Aleksa pa je mislil, motreč to dirko: hiter je groš, hitrejši od konja.

Ob zori, ki diši po smodniku in blatu, se je Dositej zagledal v svoje škornje kot v vodnjak in videl, da so brez dna. Nadel si jih je in se napotil k skrivnemu zalivu, kjer se bo vkrcal na ladjo za Kladovo.

– Prvo, kar vam imam povedati, mladi gospodič Aleksa, je: čeprav je imel človek neko stvar ali predmet že stokrat v rokah, bo s ponovnim ogledovanjem našel nekaj novega, dotlej neopaženega ...

– Kaj to pomeni?« – je vprašal deček, Dositej pa je položil čudno stvar nazaj v škatlo in odgovoril:

– Tvoja preteklost se skriva v tvojem molku, tvoja sedanost v tvojem govoru, tvoja prihodnost pa v tvojih napačnih korakih ...

Tedaj je nekdo spodaj udaril s tolkačem po vratih in sluga je prinesel pošiljko za Dositeja, dostavljeno s tega brega, iz Zemuna. Poslala jo je gospa Pavkovičeva: dva dišeča, še topla pšenična hleba in sodček, ki ga je poslal praznega čez Donavo, zdaj pa ga je prejel polnega vina nazaj iz Krušedola; iz avstrijske prestolnice pa so mu poslali okroglo škatlo, odišavljeno kot kakšna gospodična. Iz škatle sta z Aleksom potegnili nenavadno in novo reč, kakršne v teh krajih še niso videli: črn klobuk iz pasje dlake z globoko oglavnico in trakci, ki se zavežejo pod brado.

– Kdaj bomo, učitelj, iztrebili ta vraže v našem narodu ...?

Tu je deček zastal, pogledal učitelja, ki je drgnil roko ob vogal mize, in

rekel Dositeju z nasmehom, ki se je pomlajeval hitreje od oči:

– Poglej! Nočna daljava se zdi sedaj kot preteklost; noga ne more do nje, samo spomini. Mrtvi pa pomnijo vse svoje življenje, le časa in vzroka smrti ne pomnijo ...

In tako je učitelj vedel, da tudi deček ve. Kako bi sicer mogel tako govoril, ko ni bil naučen in ve, da za take besede in misli ne dobiš pohvale? Torej me je namenoma pehal pod ponev, je sklenil Dositej. In ni mogel uganiti, zakaj. Zato pa je pristavil uho k dečkovim ustnicam in deček mu je na vso moč pljunil vanj, skoraj ne da bi nehal brati:

»Ko bi naši starci in roditelji poznali malo fizike, ne bi mi od njih poslušali, da je ta in ta videl, kako se je ob bogojavljenju voda v vino spremenila in so drugi videli piskre, kako sami potujejo od Vidina v Kladovo, niti nam ne bi pripovedovali, da je nekdo srečal vilo, prikazen ali vampirja, ki za sabo vleče rjuho ... Vsa ta vraževerja, ki se med nami nahajajo, niso nič drugega kot živi in večni znak, na kako nizki stopnji prosvetljenosti smo ...«

Tako je bral Aleksa, mislil pa nekaj čisto drugega. A kdo bi mogel priti svoji misli za hrbet? Ko se ono tam igra, se ga tu nehajo bati in mu biti poslušni. Dečku vse to ni bilo najbolj jasno: ali oče zapušča Beograd in vojskovanje in Turke in odhaja v Pešto igrat samega sebe Madžarom v gledališču, pa ga doma tisti čas nekdo nadomešča in si opase njegovo orožje? Toda Aleksa si je želel, da ne bi šel z učiteljem čez Donavo, marveč da bi, ta čas ko oče in Gospodar igra heroja tam v Pešti, tu v Beogradu on opasal očetovo orožje za čas, ko oče neha biti vodja ... In da ga ne bi odpasal, niti ko se oče vrne ...

– Umni gospodič Aleksije, z mrežo za miši leva ne ujameš – je na to rekel učitelj. – Svet je poln skrivnosti, skrivnosti pa so kot lovske pasti, nastavljene med nami. Ni vsaka za vsako zverino, marveč je vsaka drugi in drugačni namenjena ...

In tako je deček vedel, da tudi učitelj ve. Spoznal je, da je nevaren, ker

z ustnico bere misli z ustnice. In odločil se je, da se ga bo znebil. Da ga bo gnal pod ponev. Naj vidi, kam pelje njegova pot.

Dositej je ponudil dečku zvonec z mlekom in z drugo roko zakril njegovo pisanje. Medtem ko je deček pil, mu je Dositej držal zvonec in se mu občasno s prsti dotikal ustnic. Lepih, še ne razdevičenih ustnic. Poslavljal se je. Toda pod prsti ni čutil Aleksovih ustnic. Temveč ustnice Aleksovega očeta. Tudi v toploti mleka govori Bog, je mislil Dositej, ko je vstopal v sobo, kjer je njegov učenec Aleksa pisal nalogo. Ko se je vzpenjal po stopnišču in si grel roke na zvoncu z mlekom, je mislil, da Bog beseduje z izbranci usta na usta in so ušesa izključena iz tega občevanja. In da on zato ne sliši. Zamišljen je pristopil k svoji mladi in lisasti kravici, darilu vojvode in slikarja Petra Nikolajeviča Molera, ji snel z vratu zvonec in vanj po pastirsko namolzel mleka. In sklenil: kakor z eno ptico loviš drugo ptico, kakor se s hrtom lovi volk, tako z enim življenjem loviš drugo življenje ...

Potem je iskal po sobi, privzdigoval je svojo haljo, a rokavice ni bilo nikjer. To je bila lepa bela rokavica, podložena z zeleno svilo. Las se nikoli ni dotaknil z golo roko. In je našel rokavico: bila je obrnjena na zeleno stran in se je izgubila na zelenem pregrinjalu. Nadel si jo je in se tega jesenskega popoldneva 1810. leta ostrigel z nožem, gledajoč se pri tem v prstanu, ki je imel namesto dragega kamna izbočeno zrcalo. Toda v tem zrcalu pod lasmi, ki jih je strigel, obraza sploh ni bilo. Namesto obraza se je videl krožnik ribje čorbe.

Gledališče Osobnjak

Gledališče Osobnjak, kar pomeni »posebno«
gledališče, ima tako ime z razlogom, saj resnično izstopa v množici drugih gledališč v St. Peterburgu. Je majhno gledališče v Petrograjskem okrožju, izven prevladujočih gledaliških tokov, vendar bi bila brez njega današnja slika gledališkega življenja v mestu gotovo nepopolna.

Osobnjak je bil leta 1989 ustanovljen kot »igralsko gledališče z gostujočimi režiserji«. Čeprav je gledališče pozneje imelo glavnega režiserja, je bila njegova naloga bolj povezovanje z zunanjim okoljem kot ohranjanje lastne umetniške preference. Osnovno vodilo tega gledališča je skupinski delovni slog in zanimanje tako za proces kot za rezultat.

S časom sta se poetika in estetika Osobnjaka spreminjali glede na glavnega režiserja, vse od radikalno novih branj klasik v zgodnjih 90. letih, ki so bile predstavljene ne le na ruskih gledaliških festivalih, ampak tudi v Nemčiji, na Madžarskem in v ZDA. Od leta 1996 do 2000 se je gledališče osredotočalo na moderno dramo, po letu 2001 pa so bile v ospredju produkcije dram, ki temeljijo na filozofskih in eksistencialnih besedilih Pavića, Frischa, Joycea, Arrabala, Klima, Ionesca, Nietzscheja in Fossa.

Poleg lastnih predstav Osobnjak redno predstavlja tudi delo drugih sanktpeterburških gledališč, ki nimajo lastnega odra, in vrsto drugih neodvisnih projektov.

Direktorica / General Manager

Maja Jerman Bratec

maja.jerman-bratec@sng-ng.si

+386 5 335 22 10

Umetniški vodja / Artistic Director

Marko Bratuš

marko.bratus@sng-ng.si

+386 5 335 22 10

Poslovna sekretarka / Business Secretary

Barbara Skorjanc

barbara.skorjanc@sng-ng.si

+386 5 335 22 10

Dramaturginji / Dramaturgs

mag. **Ana Kržišnik Blažica**

ana.krzisnik@sng-ng.si

+386 5 335 22 15

in / and **Martina Mrhar**

martina.mrhar@sng-ng.si

+386 5 335 22 01

Lektor / Language Consultant

Srečko Fišer

srecko.fiser@sng-ng.si

+386 5 335 22 02

Slovensko narodno gledališče Nova Gorica

Slovene National Theatre Nova Gorica

Trg Edvarda Kardelja 5,

5000 Nova Gorica, Slovenija / Slovenia

T +386 5 335 22 00,

F +386 5 302 12 70

info@sng-ng.si, www.sng-ng.si

Dramaturginja in vodja AMO / Dramaturg and Chief of AMO

Tereza Gregorič

tereza.gregoric@sng-ng.si

+386 5 335 22 18

Odnosi z javnostjo / Publicity Manager

Metka Sulič

odnosizjavnostjo@sng-ng.si

+386 5 335 22 50

Organizatorka / Organizer

mag. **Barbara Simčič Veličkov**

organizacija@sng-ng.si

+386 5 335 22 04

Vodja računovodstva / Chief Accountant

Neža Lango

neza.lango@sng-ng.si

+386 5 335 22 07

Tehnični vodja / Technical Director

Aleksander Blažica

aleksander.blazica@sng-ng.si

+386 5 335 22 14

Blagajna / Box Office

+386 5 335 22 47,

blagajna@sng-ng.si

vsak delavnik / workdays 10.00–12.00 in / and 15.00–17.00

ter uro pred pričetkom predstave / and an hour before each performance

KONTAKTI
CONTACTS

SVET SNG NOVA GORICA / COUNCIL SNT NOVA GORICA

BOJAN BRATINA (predsednik / president), **MIRKO BRULC** (podpredsednik / vice president)

dr. **HELENA JAKLITSCH**, **MIHAELA KOLANDER**, **MATIJA RUPEL**

STROKOVNI SVET SNG NOVA GORICA / EXPERT COUNCIL SNT NOVA GORICA

ANDREJKA MARKOČIČ ŠUŠMELJ (predsednica / president), mag. **ALIDA BEVK** (podpredsednica / vice president),

RADOŠ BOLČINA, **MARKO POLANC**, **ALEŠ VALIČ**, **FRANKA ŽGAVEC**

ČLAN EVROPSKE GLEDALIŠKE KONVENCIJE

MEDIJSKI SPONZOR

SPONZORIJA

Dejavnost SNG Nova Gorica financira Ministrstvo za kulturo Republike Slovenije.

Gledališki list SNG Nova Gorica, sezona 2019/2020, številka 3

Izdajatelj SNG NOVA GORICA, predstavnica **MAJA JERMAN BRATEC**

Urednici mag. **ANA KRŽIŠNIK BLAŽICA** in **MAJA POLJANEC NEMEC**

Uredništvo **SREČKO FIŠER**, **TEREZA GREGORIČ** in mag. **ANA KRŽIŠNIK BLAŽICA**

Lektorji **SREČKO FIŠER**, **MAJA NEMEC** in **KRISTINA SKVAREK**

Fotografije **DAMIR IPAVEC** in **ARHIV TEATRA OSOBNJAK**

Oblikovanje **ATEJ TUTTA**

Naklada 200

Tisk **A-MEDIA**

SNG Nova Gorica ISSN 1581-9884

Cena publikacije je 2 evra.

ŌS (lat.)

Morfološke in sintaktične lastnosti

Samostalnik, srednji spol

3. soglasniška sklanjatev

Semantične lastnosti

Pomen

usta, gobec, kljun, žrelo ni primera uporabe (glej priporočila)

ustje, odprtina, luknja, vhod ni primera uporabe (glej priporočila)

jezik, govor(jenje), izreka, izgovor, izgovarjanje, glas, grlo ni primera uporabe (glej priporočila)

govorica, narečje ni primera uporabe (glej priporočila)

lice, obličje, obraz ni primera uporabe (glej priporočila)

krinka, maska ni primera uporabe (glej priporočila)

dolžnost, nesramnost ni primera uporabe (glej priporočila)

Sinonimi

ŌS (лат.)

Морфологические и синтаксические свойства

Существительное, средний род, третье согласное склонение

Семантические свойства

Значение

рот, уста; часть, кляво; орган речи отсугствует пример употреблния (с рекомендациями)

поэт, речь, разговор отсугствует пример употреблния (с рекомендациями)

красноречие, дар слова отсугствует пример употреблния (с рекомендациями)

лицо, обличье отсугствует пример употреблния (с рекомендациями)

Написание, присутствие отсугствует пример употреблния (с рекомендациями)

отверстие; вход; выход; расщелина; щель или кратер; устье; отсугствует пример употреблния (с рекомендациями)

нос корабля отсугствует пример употреблния (с рекомендациями)

голова отсугствует пример употреблния (с рекомендациями)

то же, что os duplex напный вид, нахлястьво, бесстыдство отсугствует пример употреблния (с рекомендациями)

Синонимы

Словенский национальный театр Нова Горица

Словенский национальный театр Нова Горица - наследник Приморского драматического театра, основанного в 1969 году. С 1972 до 1991 в театре был организован фестиваль «Встреча малых сцен», (позже переименован во «Встреча театров Anne d'Arden»), который сильно повлиял на развитие театра и расширение его известности в Словении и за рубежом. В 1994 году построено новое здание театра с современным техническим оборудованием и зрительным залом на 370 мест. В 2011 году добавился еще Малая сцена для 107 зрителей. С 2004 года театр действует как национальный театр – и, как государственное заведение, получает финансирование из Любляны. Важность театра, его программа и художественная направленность связана и с его географическим положением – город Нова-Горица расположен в месте, где соединяются словенская и романская культуры. В перепутье находят и современные, и классические тексты, что отражает неформальный интерес театра к исследованию и эксперименту. Высокий художественный уровень театра подтверждают многочисленные награды, участия в фестивалях в Словении и за рубежом. В 2001 году театр стал членом Европейской театральной конвенции (European Theatre Convention – ETC).

Художественный руководитель

ДМИТРИЙ ПОДНОЗОВ

+7 921 955 93 04

директор театра

ОЛЬГА ГУСЕВА

+7 921 906 91 53

литературная часть

ТАТЬЯНА ЯКОВЛЕВА

+7 921 377 43 52

ТЕАТР ОСОБНЯК

197022, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр. 55

+7 (812) 234 25 31

+7 (812) 679 25 31

osobnik.theatre@gmail.com

КОНТАКТЫ

No poglej!, ena noga iz blata, druga v blatu

ну вот, одну ногу вытащил, а вторая увязла

s krogom se zmanjša krog

кругом уменьшается круг

hiter je grož, hitrejši od konjev

у грошей скорость больше, чем у коней

z ustnico bere misli z ustnice

потому что читает мысли губой с губы

namesto dragega kamna je bilo izbočeno zrcalo

вместо камня было выпуклое зеркальце

Podložena z zeleno svilo

на зеленой шелковой подкладке

roka je PREDSTAVLJALA besedo večno

рука эта воплощала слово вечное

Namesto duše je bil Mesec

вместо души была луна

то, что он писал. Пока он пил, Доситей подерживал колокольчик и время от времени дотрагивался до его губ пальцем. До этих прекрасных, еще не лишившихся невинности губ. Он прощался. Но он чувствовал под пальцем не губы Алексы. Он чувствовал губы его отца. «И через тепло молока Бог говорит», — думал Доситей, входя в комнату, где его ученик Алекса делал письменное задание. Поднимаясь по ступеням, он, грея руки о колокольчик с молоком, думал о том, что Бог беседует с избранными устами в уста, а уши исключены из этого общения. И что поэтому у него нет слуха. Задумавшись, он подошел к молодой нестройной короле (подарку воеводы и художника Петра Николаевича Мольера), снял с ее шеи колокольчик и по-пастушьи надел в него молоко. И решил, что, так же как с помощью одной птицы охотятся на другую птицу или с помощью борзой на волка, можно с помощью одной жизни охотиться на другую жизнь...

Потом он осмотрел всю комнату, приподнял полы своего кафтана, на перчатки нитяе не обнаружил. Это была красивая белая перчатка, на зеленой шелковой подкладке. А голый рукой он никогда не дотрагивался до волос. И он нашел эту перчатку: она вывернулась наизнанку и, зеленая, затрещала на зеленом покрывале. Он натянул ее и в тот осенний день 1810 года, после полудня, подстрился ножом, глядя в перстень, в котором вместо камня было выпуклое зеркальце. Только под волосами, которые он стриг, в зеркале не было лица. Вместо лица там виднелась тарелка супа из рыбы.

— Первое, что я имею вам сообщить, юный господин Алекса, состоит в следующем: человек, пусть он хоть сотню раз держал в руках какой-либо предмет или вещество, всегда с каждым новым рассмотрением может найти в нем нечто новое, доселе не замеченное...

— Что это значит? — спросил мальчик, а Доситей, укладывая удивительную вещь обратно в коробку, ответил:

— Твое прошлое скрывается в твоём молчании, настоящее в твоей речи, а будущее в твоих ошибочных шагах...

Тут смаружи кто-то застучал колыцом в дверь, и слуга принес Доситею только что доставленную с того берега, из Земуна, посылку: от госпожи Павкович два аппетитных, ещё теплых пшеничных каравая и бононок, который Доситей послал за Дунай путым и который теперь получил обратно наполовненным вином из Крушадлоа, а кроме того, из австрийской столицы крытую коробку, надвешенную, как барышня. Из коробки они с Алексой достали необычный новый предмет, вещь невяданную ещё в этих краях — черную глыбку шпиль из собачьей шерсти с тесемками, чтобы завязывать их под подбородком.

— Когда же, учитель, искореним мы эти суеврия в народе наших?

Тут мальчик остановился, посмотрел на учителя, который чёсал ладонь об угол стола, и сказал Доситею с улыбкой, которая молодела быстрее, чем глаза:

— Смотри! Дале ночью выглядит сейчас как прошлое, доступное не ноге, лишь воспоминанием. А мертвые помнят всю свою жизнь, не помнят они только час и причину смерти...

И учитель поэтому знал, что и мальчик знает. Потому что в противном случае как бы он мог говорить так, как его не учили, да ещё зная при этом, что за такие слова и мысли его не похвалят? «Значит, он меня умышленно заговял

под "сковороду"», — сделал вывод Доситей. И не смог разгадать почему. Но именно поэтому он приблизил свое ухо к губам мальчика, и тот изо всех сил плюнул ему в ухо, почти не прерывая при этом чтения:

«Если б наши родители и старики хоть немного понимали в физике, не пришлось бы нам выслушивать, что кто-то на Богоявление видел, как вода превратилась в вино, а другие следили за чутунками, которые сами собой перемещались из Видина в Кладово, не рассказывая бы они нам, как один из них встретился с волшебницей, призраком или вампиром, который ташил за собой простыню, что они и нас могли видеть... Все эти суеврия, которые бродят среди нас, суть не что иное, как явственный и вечный знак того, насколько низко ступени просвещения мы стоим...»

Алекса читал, но думал он совсем о другом. Но кто может обогнать свою мысль? Пока это там играют — не перестают ли его слушаться и боятся здесь? Мальчику все это было не вполне ясно, например, неужели отец сам ездит в Пешту к венграм играть самого себя в театре, покидая Берград и войну с турками, и здесь его кто-то заменяет, опоясавшись его оружием. И Алекса вовсе не хотел ехать с учителем за Дунай, он хотел, пока отец и господарь там, в Пеште, играет героя, здесь, в Берграде, опоясаться отцовским оружием в тот самый час, как только отец перестает быть вождем...

— Словеснейший молодой господин мой Алексие, сестю, рассчитанной на лва, мышь не понимаешь, — сказал на это учитель, — Свет полон тайн, а тайны распространены между нами, как охотничьи силки. И каждый из них предназначен для своего зверя...

И так мальчик знал, что и учитель знает. И понял, что он опасен, потому что читает мысли губой с губы. И решил от него избавиться. Загнать его под «сковороду». Пусть увидит, куда ведет его путь.

Доситей протянул мальчику колокольчик с молотком, а другой рукой закрыл

Стаял март, Доситей видел во сне свое путешествие к русским, видел прошлогоднее Кладово и мог узнать весь свой сон. Просыпаясь, он думал о том, что бежать против Запада – значит потерять победу в гонке, а бежать против Востока – значит потерять голову. Он чувствовала, как время расширяется. Если достаточно долго бежать назад, попадаешь за пределы времени. И его захлестнула боль, похожая на волну с живой рыбой внутри. Осталось, а именно угроз, учитель лишь угадывал. А Алекса молчал, прием слышна была только кора этого молчания. И не решился сказать ему. Доситей думал, глядя на мальчика, что нет способа объяснить ему, что мы просто уловата и неровная ткань, произведенная только для того, чтобы с ткацкого станка отбросить на стену заранее предусмотренную тень.

– Но разве ваша черная шляпа с завязками стала каким-то другим веществом, какой-то новой или другой вещью, отличающейся от той, что вы в прошлом году повесили на грушу? За исключением того, что сейчас все только о ней и говорят.

Как-то утром, весной 1811 года, Алекса подошел к Доситею и сказал ему:

– Соплата, которые пытались в нее стрелять, видели потом между цветами

распустившейся бузины маленьких чертенят. Пробовали под ней поджигать табак, чтобы дым заставил ее исчезнуть, но не помогло. Был найден человек, задуманный хвостом этой «сковорода», после чего она сама собой снова оказалась на прежнем месте, на ветке, словно какое-то черное животное. В день сего Буда, когда вино входит в виноград, «сковорода» удушила

двух девочек. Пономарь из церкви Святого Розария утверждал, что пономарь «сковорода» превращается в черную звезду, что она залетает в дома и церкви и от соприкосновения с ее светом гаснут свечи и лампады. Боевые, которые весной обычно одаривают двадцаткой то дерево, которое первым распускает листья, были уверены, что «сковорода» – это вылитый святой Трифун, который топором отрубил себе нос, а рыбки клыки, что собственными ушами слышали, как «сковорода» по ночам клекочет: «Того, кто жаждет быть убитым отцом, убьет сын!»

И вот с того дня начались приключения этой вещи.

Только кони проезжающих мимо шаркались от нее.

Алекса ему махал из экипажа, все еще ошущая на губах учительев поцелуй, привикший читать с губ, а на берегу, на ветке груши, осталась висеть забытая черная шляпа с развевавшимися на ветру завязками, невероятная вещь, про которую никто больше не знал ни чья она, ни как сюда попала, ни что она собой представляет.

Судно с веслами, обмотанными рубашками, неслышно пристало к берегу, и Доситея торопливо приняли на борту, передав ему через поручника и сакваж с вещами. Доситей снял шубу и новую шляпу, повесил на ветки и принялся расхаживать вдоль берега. Два экипажа, один тяжелый, с юным господином Алексой, и второй легкий, со скамейей, представлявшей собой крышку ящика, где находилась багаж учителя, летели вдоль воды, а Алекса, наклоняя эту гонку, думал: «У грошей скорость больше, чем у коней».

На заре, когда пахнет порохом и грязью, Доситей устоялся в свои сапоги, как в колодец, и увидел, что они без дна. Натянул их на ноги и отправился к укромному заливу, где их должно было взять на борту судно, шедшее в Кладово.

выплевываем горячей травя из сотни глоток.

Потом, сквозь запах плевков толпы, утратившей дар речи, Доситей медленнно подошел к своей коляске и под немьм взглядом Алексы забрался в нее и поехал обратно в город.

Когда перед домом Доситея слуги распихнули двери двуколки, оказалось, что он, задумешный, развалившись, лежит на сиденье, в то время как его черный ворсистый головной убор вывалился наружу и, подхваченный ветром, стремительно катится вдоль белградских улиц, подсакивая на перекрестках и виляя испещренным буквами хвостом.

*

Потом, сквозь запах плевков утратившей дар речи толпы, Доситей медленнно подошел к своей коляске и под немьм взглядом Алексы забрался в нее и поехал обратно в город.

И медленным шагом приблизился к дереву, сорвал с него черную шляпу с завязками и надел ее на голову. Его действия сопровождалась энергичным выплевыванием горячей травя из сотни глоток.

И тогда Доситей подумал: «Чудо, которого человек за свой долгий век не дождется, – стать другим, а при этом остаться тем же, кем был и кем больше не являешься, вроде вывернутой перчатки. Но раз я пошел таким путем, надо тащить вперед, хочется мне теперь этого или нет. Мудрецы обычно не замечают, потому что они знают, что мудрость следует скрывать любой ценой, словно это порок или дегни».

Учитель вышел из двуколки, чувствую на себе нерамотные взгляды. Окруженный свитой Алекса двинулся за ним с прекрасными, горящими как

Угли глазами, словно гоня перед собой сто жизней.

А вокруг могила и «сковорода» народу собралась целая толпа, словно в церкви, и для защиты от чар все держали во рту горячую траву.

На камне ниже, под его именем, было написано:

Словно я вчера лег сюда.

1810

На груше они нашли черную ворсистую вещь, принадлежавшую Доситею, она висела на ветке, усталая и выгоревшая от солнца и мороза, рывала на ветру, задумешм из Хопова, и махала хвостом, испещренным мелкими буквами. Под грушевым деревом была прошлогодняя могила того человека, которого «сковорода» этим хвостом удавила.

Доситей вздрогнул от неожиданности и подумал, что содержание любой вещи – это ненависть, а форма – любовь, и приказал подать экипаж для себя и Алексы. Деваться ему было некуда.

И неожиданно мальчик, который стал уже почти юношей, заговорил языком, которым разговаривали с ним офицеры во время занятий на плацу.

– Учитель, всегда нужно знать, куда попал, если, стреляя в цель, промахнулся! – сказал он твердо и показал на книги Доситея, аккупратно рассставленные на подоконнике.

– Настало крайнее время, учитель, разуберить народ, открыть им глаза здравого разума, чтобы тот воцарился в их головах, показать им, что «сковорода» это не только не может никого удушить, но и просто-напросто представляет собой обыкновенную шляпу, которую надевают на голову...

— Удар, который слышен, никогда не бывает сильным, мой милый Алекса, — попытался Доситей еще раз умилостивить своего ученика, но тот не сдавался. И Доситей, глядя на него, думал, что не знает способа объяснить ему, что одна вещь — это не что иное, как просто грех какой-то другой вещи. И он не решился ему это сказать. Алекса молчал, притом что слышна была лишь кора его молчания. Остальное, а именно угрозу под этой корою, учитель должен был лишь гадывать. И его захлестнула боль, похожая на волну с живой рыбой внутри.

Стоял март, Доситей видел во сне свое путешествие к русским, видел прошлогоднее Кладово, куда его послал Господарь, чтобы он прошел по улице, на которой двенадцать домов, кажда́й с двадцатью шестью окнами и четырьмя дверями. Просыпаясь с отпечатком путовицы от наволочки на щеке, он думал о том, что бежать против Запада — значит потерять победу в битве, а бежать против Востока — значит потерять голову. Причем речь шла не только о его битве и его голове, но и о битве и голове Господаря, отца Алексы. И тут, в момент пробуждения, лицо Господаря явилось Доситею в виде миски пересоленного кабаньего мяса...

Столо время, когда шелушится кожа и смердят уши. Ученик явился с новостью, что вокруг черной шляпы по субботам собирается множество народа и знахари, они водят там «про себя» немые хороводы и плещут друг другу в уши. Весь люд от Вишницы до устья Савы ходит с заплеванными ушами. Настал крайний срок, чтобы учитель их разувверил, открыл им глаза заравого разуму, чтобы тот вопарился в их головах, показал им, что «коворода» эта не только не может никого удуть, но и просто-напросто представляет собой обыкновенную шляпу, которую надевают на голову. Больше гнать было нельзя.

И неожиданно мальчик, который стал уже почти юношей, заговорил языком, которым разговаривали с ним офицеры во время занятий на плацу.

— Учитель, всегда нужно знать, куда попал, если, стреляя в цель, промахнулся! — сказал он твердо и показал на книги Доситея, аккурратно расставленные на подоконнике.

Доситей вздрогнул от неожиданности и подумал: одну ногу выташил, а вторая уязла, а вслух приказал подать для себя и Алексы двуколку. Деваться ему было некуда.

На груше они нашли черную ворсистую вещь, принадлежавшую Доситею, она висела на ветке, усталая и выгоревшая от солнца и мороза, вычала на ветру, задудававшем из Флута, и махала хвостом, испещренным мелкими буквами. Под грушевым деревом была проположенная могила того человека, которого «сковорода» этим хвостом удавила. На камне ниже, под его именем, было написано:

Словно вчера лег сюда.

1810

А вокруг могила и «сковорода» народу собралась целая толпа, словно в церкви, и для защиты от чар все держали во рту горячую траву.

Учитель вышел из двуколки, чувствуя на себе нерамотные ватяды. Окруженный свитой Алекса двинулся за ним с прекрасными, горящими как угли глазами, словно гоня перед собой сто жизней. И тогда Доситей подумал:

«Чудо, которого человек за свой долгий век не дождался, — стать другим, а при этом остаться тем же, кем был и кем больше не являешься. Но раз я пошел таким путем, надо гнать себя вперед, хочется мне теперь этого или нет».

И медленным шагом приблизился к дереву, сорвал с него черную шляпу с завязками и надел ее на голову. Его действия сопровождалась энергичным

На заре, когда пахнет порохом и грязью, Доситей устоявися в свои сапоги, как в колодец, и увидел, что они без дна. Натянул их на ноги и отправился к укромонному заливу, где его должно было взять на борт судно, шедшее в Кладово. Два экипажа, один тяжелый, с юным господином Алексой и его слугами, второй легкий со скамьей, представлявший собой крышку ящика, где находилась багажничья лодка, летели вдоль кромок воды, а Алекса, наблюдая эту гонку, думал: у грошей скорость больше, чем у коней.

Стоило им остановиться, как засияло солнце, они бросили под грушу овчинья и устелись ждаты судно. Доситей снял шубу и новую шляпу, повесил их на ветки и принялся расхаживать вдоль берега, немного прихрамывая, словно его ноги поочередно произносили: «Суботница, Сегедин, Суботца, Сегедин». А подчинники и возчики устоявися на невиданный черный предмет, висевший на дереве, не зная, что это шляпа из собачьей шерсти, только что прибывшая из императорского города Веня и преодолевшая в пути водные пространства, границы и поля сражений. Судно с веслами, обмотанными рубашками, несмышло пристало к берегу, и Доситея торопливо приняли на борту, передав через поручни его шубу и саквояж с вещами. Алекса махал ему из экипажа, все еще ошущая на нем глубах поцелуй учителя. А на берегу, на ветке груши, осталась висеть забытая черная шляпа с развевающимися ветру завязками, неввероятная вещь, про которую никто больше не знал ни чья она, ни как сюда попала, ни что собой представляет.

Только кони проезжающих мимо шарохахлись от нее.

И вот с того дня начались приключения этой вещи. Крестьянки из Вишницы говорили, что это скованода или медный котелок, а рыбаки клялись, что собственными глазами видели, как эта «сковорода» сожрала большую птицу с мертвыми костями. В день святого Вида, когда вино входит в виноград, «сковорода» удушила двух девочек, а когда голуби начали громко кричать,

что пора сажать лук, какой-то незнакомец нахлобучил «сковорода» на голову и ушел. Его нашли задуманным хвостом «сковорода», а она сама собой снова оказалась на прежнем месте, на ветке, словно какое-то черное животное. Зимние ветра со временем потрепали ее, и она стала выгибать еще кровожаднее. Пробовали поджигать под ней табак, чтобы дым заставил ее исчезнуть, — известное же, что табак изгоняет нечистую силу, — но не помогло. Солдатам, которые пытались в нее стрелять, являлись потом среди цветий распутившейся бузичья малякья чертенята в обличье девочек с тремя глазами, и лишь только птица иволги, которые питаются дымом яблонн, не путались шляпы и саднись на ветки ее груши...

Как-то утром, весной 1811 года, Алекса подошел к Доситею и сказал ему: — Учитель, каких только суверений не вызывает та самая венская шляпа из собачьей шерсти, чем волшебничи и оборотней во всех трех томах «Физикики» Стойковича. Значь, учитель, вы позволяете, чтобы из-за этой шляпы народ впадал в суверение и непросвещенные люди еще больше порязали в предрассудкака?

За стеной дома кто-то играл на флейте, Доситей поглаживая ухо своего питомца, и ему совсем не хотелось обсуждать черную шляпу и белотельных валахичь, которые колдуют вокруг нее, пытаясь дообросить ягоду до другого берега реки, чтобы волшебным образом появилась мост. Но он сказал: — Еще раз, мой юный господин Алекса, имею сообщить вам относительно этого следующего: человек, пусть он хоть сотню раз держал в руках какой-либо предмет или вещь, всегда с каждым новым просмотрением может найти в нем нечто новое, доселе не замеченное....

Но разве, — отвечал Алекса, не удовлетворенный ответом, — разве ваша черная шляпа с завязками стала каким-то другим веществом, какой-то новой или другой вещью, отличающейся от той, которую вы в прошлом году повесили на грушу? За тем исключением, разумеется, что сейчас о ней все только и говорят...

театре играют одну постановку об отце Алексее, Господаре, и где в театре можно видеть его, представляющего героя. Мальчику все это было не вполне ясно. «Неужели отец сам ездит в Петшу к венграм играть самого себя в театре, покидая Белград и войну с турками, и здесь его кто-то заменяет, опасавшись его оружием и превращаясь на это время в Господаря? Или же там, у венгров, кто-то другой берет за отцово оружие и играет его жизнь, пока отец здесь на один вечер перестает быть вождём? И как обстоит дело здесь в то время, пока там играют, — по-прежнему ли его слушаются и боятся? Но кто может обогатить свою мысль?» — думал Алексей, читая в «Физике» про

совершенные другие вещи:

«Если бы наши родители и старики хотя немного понимали в физике, не пришлось бы нам выслушивать, что кто-то на бою явление видел, как вода превратилась в вино, а другие следили за чутулками, которые сами собой перемешались из Видина в в Кладово, и не рассказывали бы оно нам, как один из них встретился с волшебницей, признаком или вампиром, который ташил за собой простыню... Все эти суеверия, которые бродят среди нас, суть не что иное, как явственные и вечный знак того, на сколь низкой ступени просвещения мы стоим...»

На этой мысли мальчик остановился, посмотрел на учителя, который часам издавно об утом столе, и сказал ему: — Когда же, учитель, искореним мы суеверия в народе нашем? Он был уверен, что так и нужно сказать, он знал, что учитель похвалит его за такие слова; учитель его к этому приучил. И сейчас Алёкса ждал обычного в таких случаях ответа. Взглядом мальчика сверкали в полумраке, его слепая улыбка старела быстрее, чем его глаза, и Доситей подумал, что душа человекаевская действительно носит в себе радость и здоровье, а тело — скорбь и ум, что лица его знакомых легче всего было бы сравнить с пищей в тарелках и мисках, что великоремесский игумен Софроние Лазаревич лицом похож на

приготовленную в котелке капуту с копытными ребрами, а образ госпожи Павович из Земуна выглядит совершенно так же, как блудо с вареными грибами в уксусе... А сказал он, подгаживая затылок ученика, следящее: — Мой милый Алёкса, дни и годы идут к концу, тело слабеет, а душе все еще чего-то хочется...

Но мальчик сидел удивленный, он ждал другого. Он смотрел прямо на замочку в подорожке учителя, которая была похожа на след выколотого глаза.

Тут снаружи кто-то застучал колыцом в дверь, и слуга принес Доситею только что доставленную с того берега, из Земуна, посылку: два апетитных, еще теплых пшеничных карава и бочонок, который Доситей послал за Дунай пустым и который получил теперь обратно наполненным вином из Крушеваца, а также круглую коробку из австрийской столицы, надутую, как барышня. Из коробки достали необычный новый предмет, как барышня. В эти края — черную глубокую шляпу из собачьей шерсти с тесемками, чтобы завязывать их под подбородком. Это головной убор, как было написано в приложенном к нему письме, какие сейчас в Вене, столице Австрийской империи, носят по новой моде.

Берта шляпу в руках, Доситей заметил написанные на завязке слова: «Твое прошлое скрывается в твоём молчании, настоящее — в твоём речни, а будущее — в твоих ошибочных шагах».

— Что это значит? — спросил мальчик, а Доситей, укладывая удивительную вещь обратно в коробку, ответил:

— Первое, что я имею вам сообщить, юный господин Алёкса, состоит в следующем: человек, пусть он хоть сотню раз держал в руках какой-либо предмет или вещь, всегда, с каждым новым рассмотрением, может найти в нём нечто новое, доселе не замеченное...

А думал он при этом: «Мой пост для тебя — пеленки, дитя мое».

ВЫБЕРИТЕ ПЕРЧАТКА

В тот осенний полдень 1810 года Лоситей¹ собирался подстричься ножом,

глядя в перстень, в котором вместо камня было выпуклое зеркальце. Но

не нашел перчатку. А голой рукой он никогда не дотрагивался до волос.

Перчатка, которую он искал, была красивой – белой на зеленой шелковой

подкладке. Он осмотрел всю комнату, приподнял поля своего кафтана, но

перчатки нигде не было. Тогда он подумал, что, так же как с помощью одной

птицы охотятся на другую птицу или с помощью борзой на волка, можно

с помощью одной мысли охотиться на другую мысль... Лоситей спустился

в сад к молодой пестрой корове (подарок воеводы и художника Петра

Николаевича Мольера), снял с ее шеи колокольчик и по-пастушьи наделил

в него молока. Поднимаясь по ступеням, он думал о том, что все виды

голова в нем распространились и обессилели, а все виды жажды помолодели,

взяли большую волю и сделались еще опаснее, чем были. Так он вошел в

комнату, где его ученик Алекса делал письменное задание. Рот у мальчика

был маленьким, как глаз, и он зажмуривал его, когда глаза смотрели.

Реальность не догоняет в силах меня

Сначала в моей жизни наступила пауза. Пауза - это то странное чувство, когда ты бежала очень быстро и реальность опоздала. Реальность продолжала свой путь, а я стала на паузу. Встала у озера и жду пока та приблизится. Отдыхать пришлось не очень долго, совсем скоро, по ту сторону озера я заметила, что ещё один человек поджидает реальность, только она в отличии от меня нетерпеливо производит некие псы. Она подзывает меня ещё дальше убежать от настагающей нас - реальности. Она - это Резида Ганова, некогда мой-педатор по сценарному движению, человек не останавливающийся никогда, человек не ожидающий времени. Она меня ждала. Мы прокричали друг другу с разных берегов. Я услышала всё без слов. Смыслы сложились. Великолепная страна Словения открыла мне свои объятия, куда я без промедления и устремилась. Сейчас я стою на берегу реки Соча, и реальность не в силах меня догнать, я благодарю силы, которые поставили меня в эпицентр благословенного места, и я отдаю все свои силы на самый быстрый в моей жизни рывок от реальности. Спектакль Ос вам это и продемонстрирует.

«ТАК БУДУЩЕЕ УЖЕ БЫЛО ВЕЧНЫМ,

А ПРОШЛОЕ ЕЩЕ ТОЛЬКО ДОЛЖНО

БЫЛО СТАТЬ ТАКИМ»

Милорад Павич

языка и русской истории. Проза Павича то и дело приводит в восторг, когда отмечает фактические связи действительности и образует новое пространство магического мира, где напрочь отменена повседневность обыденной жизни. Время можно измерять теми же единицами измерения, что и пространство; окружающий мир одновременно бывает и миром снов, сны принадлежат каждому отдельному человеку и одновременно они предает охоты и торговли. И всегда в этой литературе ощущается глубокое влияние культуры Балкан с ее иронией и едкой усмешкой. Слово у Павича заворачивающее, овладевает читателем и препровождает его в мир магии или в мир темных сил. Это слово действует подобно словам в текстах Булгакова («Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Роковые яйца», и др.) с высоким уровнем эмоциональной выразительности и особого очарования. Вследствие этих филологических особенностей представляется просто необходимым, чтобы оба языка художественного пространства, объединившего два языка – словенский и русский, - пространства, сотканного из магического словоплетения Милорада Павича. Возможно, что какие-то слова в дословном переводе звучат иначе – он нужно было сохранить внутреннюю поэзию Павича. Во истину, уже выбор такого автора можно назвать вызывающим, но одновременно именно такие тексты допускают свободное дыхание искусства представляющего драматических произведений на сцене, провозглашают и продаваяют бесконечную фантазию.

превратить Милорада Лавича

Уже просто попытка взаимодействия двух отдельных театров, решение о совместной постановке, сама по себе примечательна и полна ожиданий. Ну, а когда постановщики из двух театров решили поставить спектакль по произведению автора третьего языкового круга, это втрое расширяет значение художественного произведения, углубляет взаимодействие культуры и по-новому открывает возможности театрального сотрудничества в этой области. Актеры из двух театров: театра SNG из Ново-Горицы (Словения) и театра «Собняк» из Санкт Петербурга (Россия) выбрали для своей постановки рассказы из сборника коротких сочинений «Вывернутая перчатка» сербского писателя, академика и профессора Милорада Лавича. В краткой прозе Лавича особенно ошутим его соврешенный сурреализм в выборе лексических средств при создании собственного поэтического мира. Лавич с романами «Хазарский словарь» (1984), «Лейкаж, нарисованный чаем» (1988), «Внутренняя сторона втра» (1991) и другими известен во всем мире, он в Словении он не так широко востребован и его книги вообще не печатали в центральных издательствах. Большинство его текстов было напечатано в издательствах «МА-НО» (Душано Манойловича) в Ново-Горице, где позаботились также и о переводах на словенский. Рассказы же в «Вывернутой перчатке», насколько мне известно, еще не переведены, кроме рассказа «Смерть Мишоша Црнянски», который перевел Драго Байт. И вот я, в ответ на просьбу актрисы Мэрии Полянец-Немец, принял вызов перевести текст, созданный на сербском языке. Но в спектакле звучат два языка: словенский и русский. Кроме того, литературный язык Лавича во многом сформирован его значительными знаниями в области русского

очень усреднено слезу за своими фразами, контролирую слова, в надежде что читающий их человек не оторвётся от прочтения, не пожмёт плечам от недоумения, да и просто не обидится... Но в периоды нинегонеуделания, я чувствую свою ось, и она не обращая внимание на оставшееся человечество подкашивает мне куда смотреть и что думать.

Сейчас я нахожусь на репетиции спектакля Ось, основой к которому тексты гениального сербского мыслителя и писателя Милорада Павича, и всё лучше понимаю его мысленьяблениа. Я учусь видеть мир вывернутой рукавицей, это одновременно и ужасно сложно, но так же и чрезвычайяино забавно, понимать устройство всего сразу без анализа и перспективы, без политики и социологии, без ненависти и любви. Наблюдают свою ось.

Спектакль, начинавший свою жизнь в двуязычных репетициях, и казавшийся рядовым проектом, благодаря текстам Павича, начинает превращаться в отдельную вселенную, расположенную в другой, но уже менее значимой. Где внутренняя жизнь актрис, их импульты, казалося бы случайные совпадения в биографиях, схожесть характеров и многое другое, обрамляется двумя языками, внешне не похожими, но вызывающими чувство импации друг к другу... Именно об этом и пишет Павич, история может развиваться в какую угодно сторону, в этой истории могут происходить какие угодно события, мир может быть вывернут наизнанку или нет. Мы оказываемся именно в том самом месте, где должная быть и рассматриваем именно то, что видим, а не то, на что обращают наше внимание.

Отвётся лишь один вопрос. Как мы донесём вам всё вышеописанное? Я могу лишь сказать, что мы родим спектакль, и вы его увидите. Но увидите вы не то что, мы вам покажем, а лишь то, что вы захотите увидеть сами.

части текста Элиана Стротаева

«ДАЛЬ НОЧНАЯ ВЫГЛЯДИТ СЕЙЧАС
КАК ПРОШЛОЕ, ДОСТУПНОЕ НЕ НОГЕ,
ЛИШЬ ВОСПОМИНАНИЯМ.
А МЕРТВЫЕ ПОМНЯТ ВСЮ СВОЮ
ЖИЗНЬ, НЕ ПОМНЯТ ОНИ ТОЛЬКО ЧАС
И ПРИЧИНУ СМЕРТИ ...»

Милорад Павич

абсолютно неважно, я сейчас покажу, какова история мироздания или отношения, я вам сейчас покажу». И это не только Кастелуччи. По большому счету, весь мировой театр держит зрителя за дилота. Все режиссеры диктуют зрителю свои псевдоистины.

Мои спектакли

Мои спектакли – это такое полотно. Оно не движется. По большому счету, это фотокамера 360 градусов, которая снимает все вокруг. Нет ничего «до», нет ничего «после». Есть момент, в который что-то происходит. И версии, что там происходит – бесконечное количество. То же происходит и в новом спектакле по Павичу «Ось»: это полотно, панорама, которую мы можем рассматривать в какую, угодно сторону, сколько угодно времени.

Зрители видят лишь то, что есть у них в голове

Так вот, возвращаясь к отсутствию фидбека. Я позже понял, что это круто. Мне никто ничего не отдает, потому что никто ничего не понимает, зрители видят лишь то, что есть у них в голове. Люди не понимают не потому, что все очень сложно, а потому что они мыслят категориями, которые не позволяют им распознать все эти символические ряды. И они пытаются получить информацию, чтобы сформировать какой-то отклик, а это не получается.

У меня был позавчерашний разговор с директором, она говорит: «Леша, умоляю, дай хоть одну зацепку зрителю, хоть одну, потому что спектакль «Ось» сейчас «Февраль»». А я им говорю: «Ребята, скупа декларируется в моих спектаклях. Она имеется в виду». Как-то я написал очень хорошую фразу: «Моя родина вам спектакль и покажем его, но увидите вы то, что захотите увидеть. В этом и есть игра. И мне нравится раздвигать эти границы. Мои спектакли как вата. Окунешь руку, она мягкая и приятная, и чем дальше продвигаешь руку, тем она становится плотнее, и конца нет. Видишь, мы приходим к тому, что собственно такое театр? Повторюсь, слова

– очень слабый проводник. Истории – то же самое. Надо мыслить другими категориями. Вот, допустим, если переходить к «Оси» по Павичу – Павич абсолютный гений. Такая энергия текста. И когда у нас шли дискуссии, что это за спектакль, я сказал: «Ребята, давайте просто садим прочтем Павича, никто ничего не поймет». То же самое и в театре. В театре кроме энергии ничего нет. Только энергия. Бесплезно рассказывать истории. Глупо у Павича брать и вытаскивать какую-то линейную историю. Или брать и пересказывать какую-то историю, которая у меня в голове происходит ... Да кому это интересно? Важно, что происходит в голове у зрителя.

Спектакль «Ось»

Рассматривать, слушать и ошущать. Такую цель поставили себе создатели спектакля «Ось». Что же за ось такая, на которую и насажен весь этот мир? Интересно, что и слово «ось» выглядит и слышется несколько сиротно. Есть такое ощущение, что его преданмеренно острити и укоротили, для того чтобы мы полно ценно не почувствовали всю его мощь. Несомненно, что ось-понятие неадекватное, не смотря на все попытки встроить его в окружающий нас мир, оно представляется нам точно не осью в колесе велосипеда, и, конечно же, не физическим термином. Ось субъективна и умозрительна, она есть в каждом человеке, но не все желают направлять свой взгляд в иную сторону от кажущейся им естественности.

Человечество погрязло в своих шорах и правилах, мы уже не вполне способны ответить на любовь, казалось бы, элементарный вопрос. Например, я не смогу однозначно ответить моей младшей дочери: «Папа, какой твой любимый цвет?» Я теряю свою ось, мне приходится вспоминать правдивые и правды, придуманные человеком. Я скажу «чёрный» – и это означает страшно, скажу «белый» – окажусь тряпкой, скажу «голубой», за меня выдумают ещё что-нибудь. Я живу жизнью всех жителей этого мира, только не своей. Даже сейчас прописывая текст для заявки на спектакль, я

Заметки режиссера

Нет ничего

... Однажды, когда я только познакомился со Слюсарчуком (режиссером Алексеем Слюсарчуком – Е.С.), мы вели псевдофилософские беседы. Что такое жизнь, и что нас окружает, что происходит во вселенной и так далее ... И один раз я сгенерировала такую фразу, после которой разговор прекратился, так как Слюсарчук не принял мою позицию. Он говорил: есть жизнь, есть смерть, есть любовь... А я в ответ: «Леш, нет ничего. Вообще ничего». Я это ему в шутку сказал, но спустя много лет, перед «Февралей» в другом это увидела: нет ничего, вообще нет ничего, и этой фразы тоже нет. И если нет ничего, что мы можем любить или ненавидеть, то можно ко всему прикасаться.

О себе как о режиссере

Если говорить о себе как о режиссере, в какой-то момент у меня появилась такая идея, что режиссер должен быть человеком слепым и абсолютно безграмотным: не читающим книг, не смотрящим вокруг, не воспринимающим формуацию. У меня есть личная концепция, что та информация, которую мы получаем из социума, она вымещает ту информацию, которую получили до рождения и во время рождения. Когда мы рождаемся, есть какое-то количество внутреннего вселенского знания. Но с первым же словом матери и дальше: детский сад, школа, нас выгружают в социум, и то количество информации, которая в нас была заложена, она вытесняется социальным дискурсом. И чем больше я читаю книг, того же Достоевского, Чехова, тем меньше остается меня во мне. Чем больше я знаю, вижу, тем меньше становится меня. Поэтому, по моей теории, надо останавливаться, перестать читать, смотреть, видеть, и тогда мы сможем внести какую-то часть себя в спектакль. А когда мы говорим чужими словами, чужими образами, как сейчас происходит практически во всем театре, то таким образом мы превращаем зрителя в идюта. Даже мой любимый Кастеллуччи, он все равно держит зрителя за дурака, он говорит ему: «То, что вы думаете, мне

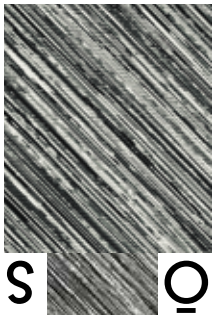

Мироты Пави

ЛИШЬ О ПРОШЛОМ МОЖНО С
УВЕРЕННОСТЬЮ СКАЗАТЬ ЧТО
« ОНО ВЕЧНО, БУДУЩЕЕ ЖЕ ЕЩЕ
ТОЛЬКО ДОЛЖНО СТАТЬ ТАКИМ.»

СЛОВЕНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР
НОВА ГОРИЦА,
2019/2020 СЕЗОН 3
ПРЕМЬЕРА 6-7 НОЯБРЯ 2019 Г.
НА МАЛОЙ СЦЕНЕ СГЛ НОВА ГОРИЦА

ОСЬ
СПЕКТАКЛЬ-СОН В ЖАНРЕ
МЕТАФИЗИЧЕСКОГО СОЛПИСИЗМА ПО
МОТИВАМ МИЛОРАДА ПАВИЧА

РЕЖИСЕР АЛЕКСЕЙ ОБРАЗЦОВ
ХОРЕОГРАФ РЕЗИДА ГАРНОВА
ХУДОЖНИК КИРА КАМАЛТИДИНОВА
ХУДОЖНИК ПО КОСТЮМАМ АНИС КРОНИДОВА
ХУДОЖНИК ПО СВЕТУ ТАТЬЯНА ЯКОВЛЕВА
ХУДОЖНИК ЗВУКА ТАТЬЯНА МАРКОВИЧ
ПРОДЮСЕР СВЕТЛАНА ДЕСЯТНИКОВА
СПЕКТАКЛЬ ИДЕТ БЕЗ АНТРАКТА.

ТЕАТР ОСОБНЯК, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
СЕЗОН 2019/2020 Г
ПРЕМЬЕРА 28 СЕНТЯБРЯ 2019

МАЙА ПОЛЯНЕЦ НЕМЕЦ (МАЈА ПОЛАНЕС НЕМЕС)
КРИСТИНА СКВАРЕК
АНДРЕЙ ЖУКОВ

СО ДЪЕР ЖКА НИМЕ

АНСАМБЛЬ 06

АЛЕКСЕЙ ОБРАЗЦОВ 010

ЗАМЕТКИ РЕЖИССЕРА

БОЯН БРАТИНА 016

ПЕРЕВОДЪ МИЛОРАДА ПАВИЧА

МАЙЯ ПОЛЯНЕЦ НЕМЕЦ 020

ДВА МИРА, ДВЕ СИСТЕМЫ

МИЛОРАД ПАВИЧ 022

ВЫВЕРНУТАЯ ПЕЧАТКА

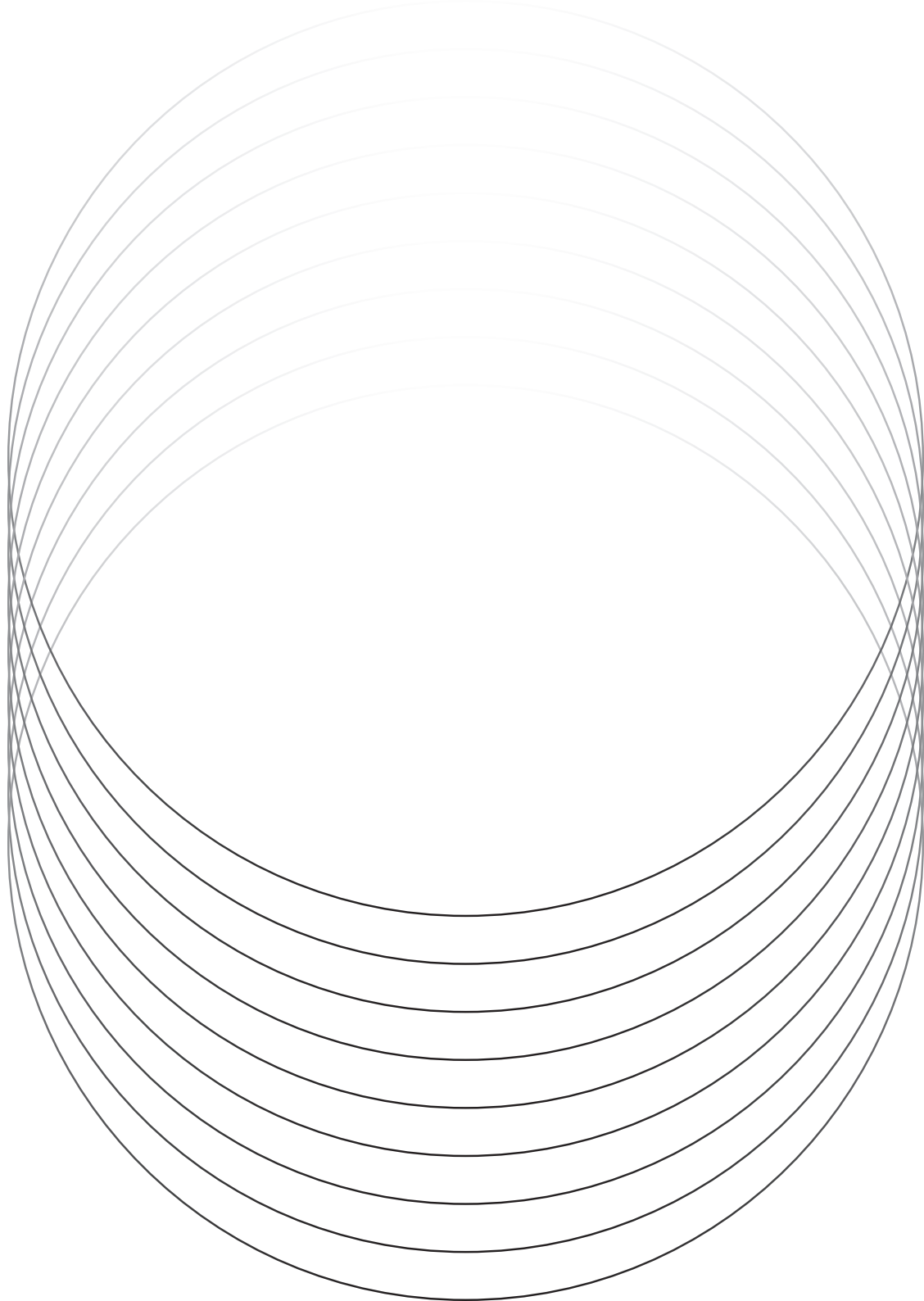
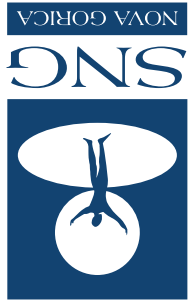
СЛОВЕНСКИИ НАЦИОНАЛЪНЬИИ 040

ТЕАТЪ НОВА ГОРИЦА

КОНТАКТЫ 041

ФОТОГРАФИИ 042

ОСОБНАК
TEATP

ПО МОТИВАМ МИЛОРАДА ПАВИЧА

О С Р

